

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

Б.С. ОРЛОВ

**ПРОБЛЕМЫ
ИДЕНТИЧНОСТИ
В СОВРЕМЕННОЙ
ГЕРМАНИИ**

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

**МОСКВА
2012**

ББК 63.3(4)
О-66

Серия
«Европа XXI век»

*Центр научно-информационных исследований
глобальных и региональных проблем*

Ответственный редактор –
доктор исторических наук *В.П. Любин*

Орлов Б.С.
О-66 **Проблемы идентичности в современной Германии:** Аналит. обзор / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регионал. проблем. Отд. Зап. Европы и Америки; Отв. ред. Любин В.П. – М., 2012. – 76 с. – (Сер.: Европа XXI век).
ISBN 978-5-248-00652-6

В обзоре на основе текущей литературы анализируются несколько групп проблем, с которыми сталкивается современное германское общество и которые влияют на общенациональную идентичность. Это – отношение к исторической преемственности; степень сохранения суверенитета в рамках ЕС; ментальные особенности населения, сложившиеся в Восточной и Западной Германии; растущая иммиграция; тенденции регионализма. По этим проблемам автор – доктор исторических наук Борис Сергеевич Орлов – делится также собственными соображениями, накопленными за десятилетия исследования германской тематики.

Для широкого круга читателей.

ББК 63.3(4)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Идентичность в историческом осмыслении	5
«Осси» и «Весси» – трудный путь «сращивания»	19
Хотят ли баварцы отделиться?.....	27
«Мульти-культи» и немецкая культура	30
Немцы в Европе.....	38
Быть немцем или просто гражданином Германии?	49
Прагматизм и духовная жизнь общества	57
Заключение. Немецкая идентичность в контексте российских проблем	62
Литература	67

ПРЕДИСЛОВИЕ

Идентичность – одна из ключевых проблем XXI в. Процесс глобализации, волнами накатывающий на планету с нарастающим применением коммуникационных технологий, существенным образом влияет практически на все стороны жизни отдельных стран и населяющих их народов. Приобщиться к новым возможностям, которые открывает глобализация, и вместе с тем сохранить свою неповторимость, особенность – этим озабочены самые различные субъекты исторического процесса – от сторонников религий, цивилизационных сообществ и национальных структур до отдельных граждан, стремящихся каким-то образом заявить о неповторимости своей личности.

Совокупностью этих проблем затронута современная Германия. Казалось бы, этой стране нет необходимости уяснять для себя, каково ее местоположение – в Европе она или в Азии. Точно так же нет оснований ставить под сомнение нынешнее политическое устройство. Германия – одна из самых стабильных стран в мире как в экономическом, так и в политическом отношении. Тем не менее проблемы идентичности волнуют и современных немцев. Волнуют по целому ряду причин.

Немцы, и не только историки, по сей день разбираются со своим историческим прошлым, и, в особенности, со временем, приходящимся на период деятельности национал-социалистов (1933–1945).

После объединения Германии в 1990 г. выявилось, что не так-то просто происходит формирование единого типа немца из жителей, проживших 40 лет в двух частях страны с различными общественно-политическими режимами.

А тут еще нарастающее число иммигрантов, желающих сохранить свою самобытность, и прежде всего религиозную. Что значит быть в этой ситуации гражданином ФРГ?

Отягощенная этим грузом проблем, Германия тем не менее играет одну из главных ролей в Европейском союзе – этом уникальном сообществе 27 европейских стран, пытающихся жить по общим правилам. Объединить под одной крышей страны с различной ментальностью, разным прошлым и разным уровнем жизни – задача сверхтрудная, особенно когда речь заходит о кризисных явлениях в экономиках отдельных стран. Именно немцам приходится в первую очередь выступать в роли спасателей, что конечно же сказывается на финансовых возможностях страны и на настроениях избирателей.

Наконец, дают о себе знать и регионалистские тенденции, уходящие, кстати, в глубь германской истории с ее многообразием княжеств, герцогств, свободных городов и рыцарских поместий.

Соединить все это в общую картину и представить как некое целостное явление общенациональную германскую идентичность, опираясь на суждения немецких исследователей и на собственные умозаключения, накопленные за шесть десятилетий соприкосновения с германской тематикой¹, и пытается в данной работе автор.

ИДЕНТИЧНОСТЬ В ИСТОРИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ

Среди книг по германской тематике в моей библиотеке, а их за десятилетия накопилось немало, я выделяю книгу в старинном переплете, которую случайно приобрел в одном из букинистических магазинов Москвы еще в советские времена. Это сочинение историка Йоганна Шерра, посвященное описанию быта и нравов различных слоев немецкого общества. Книга издана в Санкт-Петербурге в 1868 г. на русском языке под названием «История

---

¹ За минувшие годы автору предоставлялась возможность углубляться в германскую тематику с разных позиций. Это были: Семинар по Германии в Институте международных отношений МИД СССР (1949–1954). Немецкая редакция Московского радио (1955–1961). Газета «Известия», корреспондент в ГДР (1961–1968). Кандидатская диссертация «Социально-политические корни западно-германского неонацизма» (1971). Докторская диссертация: «Идейная борьба вокруг программных установок СДПГ после Второй мировой войны» (1983). Контакты с Фондом Фр. Эберта в период участия в деятельности вновь образованной Социал-демократической партии Российской Федерации (1991–2005). Участие в деятельности «Мюльхаймской инициативы» (партнерство ученых России и Германии) (1989–2001). Курс лекций в Мюнстерском университете по теме «Человек и власть в истории России» (2003). Информационно-аналитическая деятельность в ИНИОН РАН (1971–2012).

цивилизации Германии» (33). Как известно, объединение Германии состоялось только в 1871 г., но в своей книге Й. Шерр доходит лишь до революционных событий 1848 г., захвативших многие страны Европы, в том числе и разрозненные немецкие княжества. Но что примечательно – и сам Шерр, да и русские читатели, уже тогда воспринимали Германию как нечто единое, целое. Во всяком случае Й. Шерр имел основание рассматривать Германию как сложившуюся ментальную, культурную да и экономическую цивилизацию.

Ну а в России Германия испокон веков воспринималась как целостная страна. Вспомним пушкинские строки из «Евгения Онегина» – «Он из Германии туманной / Привез учености плоды». Почему «туманной» – это мог лишь сам Пушкин объяснить. Но именно из страны Германии, в которой, оказывается, была возможность приобрести «учености плоды». И, кстати, в конкретном месте, о чем свидетельствуют строки о Ленском, из которых видно, что он был «с душою прямо геттингенской». То есть имел возможность учиться в Геттингенском университете.

Предполагаю, что и у современных немцев представление о Германии, о процессах, которые привели в конечном результате к образованию единого государства, осложнены в том числе и тем обстоятельством, что различные этапы становления германского общества в ходе истории чрезвычайно разнообразны, а, следовательно, трудно укладываются в сознании как некая целостная картина.

Вот лишь самые беглые штрихи этого процесса. Разнообразные племена на пространствах срединной Европы в примерных границах между Рейном и Одером. Тесное взаимодействие отдельных племен с распадающейся Римской империей, а затем с Римом как центром христианства, оказавшего определяющее влияние на европейскую культуру. Вхождение в состав империи Карла Великого уже в качестве сложившихся структур. Образование Священной Римской империи, позже получившей дополнение в названии – «германской нации», главу которого регулярно избирают (в роли кайзера) немецкие курфюрсты. Прекращение существования Священной Римской империи в 1806 г. и попытки образования целостного германского государства либо в рамках великогерманского проекта (все германоязычные территории, включая Австрию), либо малого, без австрийцев. Верх одерживает малый проект, во главе которого Пруссия, сумевшая за короткое время стать доминирующим структурным образованием, занявшим главенствующее положение в объединенной Германии (1871).

Далее – становление Германии как великой державы, начавшей проводить колониальную политику. Развязывание Германией вместе с другими европейскими державами Первой мировой войны (вину за начало которой возложили на немцев), завершившейся для страны поражением и революцией. Подготовка ко Второй мировой войне с намерением восстановить утраченные позиции и, более того, установить новый порядок в Европе на основе идеологической доктрины предусматривающей господство арийской расы, и ликвидации европейского еврейства (Холокост). Тотальное поражение нацистской Германии. Расчленение страны на оккупационные зоны победивших держав, вынужденное переселение многих миллионов немцев из восточных земель, где они проживали веками. Образование в этих зонах самостоятельных государств, оказавшихся в сферах влияния двух противоборствующих блоков – западного и советского. Объединение двух германских государств в результате ослабления Советского Союза и развала социалистической системы в странах Восточной Европы.

В последующие годы – активная деятельность демократической, экономически стабильной Германии в рамках Европейского союза и мирового сообщества.

Такова история Германии, намеченная штрихами в предельно сжатом виде. Как воспринимается она в сознании гражданина сегодняшней Германии? Что представляется ему существенным? Каким предстает в его внутреннем мире чувство родины, отечества? Что означает для него быть сегодня немцем?

Как показывает политическая практика сегодняшней Германии, однозначной реакции на эти вопросы не существует, что наиболее наглядно находит отражение в деятельности политических партий. Что же касается ученых, у них свое отношение к прошлому, своя трактовка различных этапов прошлого. Обратимся к их трудам.

Наглядный пример – исследования кёльнского историка, профессора Отто Данна. По горячим следам только что состоявшегося объединения он пишет развернутое исследование по одной из самых актуальных тем «Нация и национализм в Германии» (53). Свое исследование кёльнский профессор ограничил временем – 1770–1990 гг. На самом деле, он затронул практически всю историю становления германского государства, сосредоточив внимание на характеристике содержательного характера этой государственности, и ответив тем самым на ряд вопросов, которые по сей день остаются как бы в тени.

Когда автор в 70-е годы прошлого столетия изучал программную деятельность германской социал-демократии, в том числе и период Веймарской республики, он обратил внимание на тот факт, что конституция этой республики, принятая в 1919 г., носит название «Reichs-Verfassung». Reich у нас принято переводить как «империя». Как в таком случае понимать эту формулировку? Конституция демократической республики, а к ней приставлено дополнение «имперская». Или «Reich» следует понимать как-то иначе?

Эту проблематику и рассматривает Отто Данн. Остановимся на его размышлениях, ибо в них – новый подход к традиционной исторической идентичности.

По мнению О. Данна, к парадоксам национального развития Германии в XIX в. относится то обстоятельство, что понятие Kaiser и Reich все больше брали на вооружение буржуазные патриоты и национальное движение: «Понятие Райха было в Германии нераздельным с традициями старого Райха, в котором при господстве германской высшей знати совместно проживали многие народы и народные группы. Модель государства из времени до Модерна была неразделима с современным национальным государством Модерна» (53, с. 84).

Это проявилось и в ходе образования единого государства, которое получило название das deutsche Kaiserreich. Данн поясняет: «С созданием Райха в 1871 г. была достигнута первоочередная цель национального движения. Национальное государство перестало быть лишь проектом будущего. Конституция Райха 1871 г. определяла немецкое национальное государство как “вечный союз” немецких князей. Данн выделяет название Райха 1871 г. – Nationaler Bundesstaat (в переводе – национальное федеральное государство). Национальный совет государства находился в ведении Бундестага, в котором были представлены 22 княжества и три городские республики. При этом прусский король стал одновременно германским кайзером, а прусский министр-президент одновременно райхсканцлером».

И снова пояснение: «Немецкое национальное государство предстало в виде Kaisertreich. В понятие Райх входило понятие das Kaisertum, оно воплощало в себе великую традицию политики Райха со времени Средневековья, которое сохранило в себе национальную созидательную силу во всех слоях народа» (53, с. 159).

Читатель мог обратить внимание на то, что в тексте сохранены на немецком и русском языках названия, приведенные в книге

Данна. Как их переводить? По сложившейся традиции: Reich – империя, Kaiser – император?

Но в таком случае утрачиваются традиции исторической идентичности, на которые обратил внимание кёльнский историк Отто Данн. Как нам представляется, им предпринята попытка сохранить эту традицию и во времена Веймарской республики: Reichs-Verfassung, Reichskanzler, Reichstag, Reichswehr и т.д. Эта традиция лишь частично сохранена в ходе создания Боннской конституции 1949 г. – Основного закона, в названии верхней палаты парламента – Bundesrat, в должности премьер-министра – Kanzler.

Но как быть российскому автору, стремящемуся в терминах сохранить особую традицию становления немецкой государственности, идущую со времен Reicha и носящую на немецком языке название «Heiliges Römisches Reich der deutschen Nation»? Ведь по сложившейся традиции во всех современных учебниках это название переведено как «Священная Римская империя германской нации». То есть Reich в этом переводе «империя».

По собственному опыту знаю, как трудно менять сложившиеся варианты перевода на русский язык тех или иных названий, имен, понятий. Я убедился в этом, когда был корреспондентом «Известий» в ГДР в середине 60-х годов теперь уже прошлого века. Именно тогда на нашу долю – долю советских журналистов, выпало внесение изменений в произношение некоторых ключевых понятий. Сегодня уже никто не решается произносить «цейтунг», «нейес», «Дейчланд», как это было принято до середины 60-х годов прошлого века. А тогда споры на эту тему были жаркие. И в 1965 г. журналисты в Берлине – Евгений Башмачников из ТАСС, Владлен Кузнецов из «Правды» и ваш покорный слуга из «Известий» в своих материалах, посылаемых в Москву, договорились писать «Нойес Дойчланд» (новая Германия), «Берлинер цайтунг» (Берлинская газета). И это стало общей традицией. А вот Reich по-прежнему переводят как Рейх. Так что я со своим Райхом почти в одиночестве.

Какое отношение имеет приведенный пример к проблеме осмысления немецкой идентичности? На мой взгляд, самое прямое. Чем точнее русский перевод того или иного понятия, термина отражает его сущность, тем более полным становится постижение этой сущности.

Но вернемся к проблемам, которые с точки зрения воссоздания немецкой исторической идентичности волнуют самих немецких ученых. Попытку сформулировать подход в этой области с учетом событий последнего времени предпринял мюнхенский ис-

торик и политолог Вернер Вайденфельд спустя несколько лет после объединения, опираясь на обсуждение этой тематики в среде немецких ученых (9).

В 1989 и 1990 гг., замечает Вайденфельд, немцы переживали свою историю так, как будто это был фильм, снятый замедленной съемкой. От падения Берлинской стены до достижения полного суверенитета объединенной Германии события следовали одно за другим с головокружительной скоростью. Для немцев наступила новая эра. Пробыл час расставания с временным состоянием.

В этой ситуации, полагает мюнхенский политолог, немцам придется всерьез задуматься о своем местоположении в мире. Об этом в прошлом немцы задумывались не раз. Вайденфельд называет варианты таких поисков: ориентация на Восток; особый путь; срединное положение в Европе; роль посредника между Востоком и Западом. «В различные исторические эпохи господствовали разные точки зрения. Различные традиционные линии существовали одновременно и продолжают тянуться параллельно по сей день» (9, с. 251).

Для разрешения такой сложной и противоречивой ситуации полезно, полагает Вайденфельд, обращение к историческому сознанию. Такое сознание способствует установлению идентичности, выработки ориентации на будущее. Но это не простая проблема. «Вопрос, какой исторический опыт немцы используют для определения своей идентичности и своего местоположения, какую конкретную форму обретет этот собственный образ, до сих пор остался без ответа» (9, с. 253).

Высказываясь так, В. Вайденфельд мог сослаться на дискуссию, которая прошла незадолго до объединения в Западной Германии (1987–1988) и получила обобщенное название «спор историков». Тема спора – причины, по которым в 30-е годы к власти пришли национал-социалисты во главе с Гитлером и принялись осуществлять свою программу установления нового порядка в Европе на основе реализации расовой теории, предусматривающей массовую ликвидацию евреев в системе концлагерей. Историк Эрнст Нольте высказал свое видение происшедшего в отличие от распространенного: после Первой мировой войны в Европе разразилась гражданская война, начало которой положили большевики, захватившие власть в России и установившие политический режим, получивший у ряда западных ученых характеристику как тоталитарный. Как полагает Э. Нольте, примерно такую политику проводили и национал-социалисты в Германии, что, по его мнению,

дает основание говорить об общей тоталитарной тенденции, получившей распространение в ряде стран послевоенной Европы (104).

С Э. Нольте были принципиально не согласны Юрген Хабермас (69), другие философы и историки, полагавшие, что у германского фашизма была своя специфика, нуждающаяся в особом рассмотрении.

Возникла дискуссия, которая приобрела масштабы общественного явления. По большому счету речь шла о проблеме, которая занимала западногерманскую общественность с самого конца Второй мировой войны, когда открывались все новые факты о существовании хорошо организованной машины массового уничтожения лиц еврейской национальности в газовых печах концлагерей и с помощью других изощренных методов.

И, соответственно, мыслящая часть западноевропейского общества не могла не задаваться вопросом: как нация, подарившая человечеству Канта и Гёте, Баха и Бетховена, Дюрера и Кранаха – личностей глубоко гуманистического содержания, – смогла не только допустить появление в своей среде варварской, мракобесной доктрины расового превосходства? Значительная часть населения поддержала приход Гитлера и его сообщников к власти.

Фактически задавался все тот же главный вопрос: несут ли новые поколения немцев ответственность за часть их национальной истории, приходящуюся на времена деятельности национал-социалистов?

«Спор историков», разразившийся в конце 80-х годов, потому и привлек к себе внимание, что в нем обсуждалась все та же проблема с привлечением новых фактов и новой аргументации. По большому счету и участники дискуссии, и те, кто следил за ее ходом, решали для себя коренную, нравственную проблему собственной идентичности: история твоей страны – это твоя личная история со всеми ее изгибами, перепадами, поворотами, достижениями, поражениями и даже преступлениями? Или же ты считаешь причастным себя лишь к тем ее событиям, которые соответствуют твоим нравственным установкам?

Суть этой коренной проблемы национальной идентичности еще больше обнажилась спустя несколько лет, когда произошло объединение ФРГ и ГДР, т.е. двух частей Германии, в которых прежде всего на официальном уровне по-разному трактовалось отношение к нацизму. И не только к нацизму. Оказалось, что за время раздельного существования (1949–1989) в условиях двух различных общественно-политических и идеологических систем

сформировались различные типы умонастроения и поведения, что послужило основанием неформально называть живущих в Западной Германии как «весси» (западные), а в Восточной «осси» (восточные). И, соответственно, встали вопросы, как долго будет продолжаться это разъединение? Что будет представлять собой уже единый тип немца с его восприятием прошлого страны?

К этой теме вернемся позднее, но сейчас обратимся к взглядам немецких историков, сформировавшихся после войны и практически не несущих в себе груз памяти о временах войны. К ним относится Хаген Шульце (Schulze) (родился в 1943 г.). Он известен как автор «Краткой истории Германии», выдержавшей несколько переизданий в самой стране, а также в других странах, в том числе в России (35, 2004).

Особенность анализа Х. Шульце – повышенная требовательность к истории как к науке и как к главному фактору, влияющему на самосознание общества.

«Какое-то время жителям Западной Германии было комфортнее не знать истории, наслаждаясь действительностью с ее высокими показателями индустриального развития и не без некоторого удивления взирая на остальной мир, в котором властвовал принцип национальной идентичности и который должен был постоянно доказывать свою политическую эффективность», – подчеркивает Шульце (35, с. 13).

Но с падением Берлинской стены в 1990 г. внезапно изменилось состояние внутреннего успешного развития страны (Шульце имеет в виду ФРГ. – *Б.О.*) и «блаженной безответственности во внешнеполитических делах». Появилось новое национальное государство, лишь один факт существования которого изменил Европу, продолжает Х. Шульце. Это государство должно было объяснить своим гражданам, как оно себя осознает. Мы должны себе и европейским соседям объяснить, что такое Германия, чем она может и должна стать. **«Для этого нам следует заново рассмотреть немецкую историю»** (выделено мною. – *Б.О.*).

Вот так, заново! Но что значит «заново»? Видимо, стараться быть предельно объективными и рассматривать прошлое таким, каким оно было на самом деле, не сосредоточиваясь только на положительных сторонах исторического процесса, к чему призывают иные политики в других странах.

«Немецкая история берет свое начало не в дремучих германских лесах, а в Риме», – так начинает свое историческое повествование Х. Шульце и далее поясняет: Римская империя была тем

«далеким зеркалом», в котором все народы Европы и, уж конечно, немцы, могут узнать себя. Государственное устройство и правовые нормы, городской образ жизни, языки и формы мышления, архитектура, письменность и книга – словом, основы нынешнего образа жизни немислимы без цивилизации Рима и переплетенных с нею культур классической Греции и эллинистического Востока (35, с. 14–15).

Такова исходная позиция германской цивилизации, на это же, кстати, обратил внимание Й. Шерр еще в середине XIX в.

В короткой врезке в тексте Х. Шульце упоминает знаменитую битву в Тевтобургском лесу в 9 в. н.э., в которой немецкие племена нанесли поражение римским войскам. Заметим, что в 2009 г. у немцев были основания достаточно громко отметить это событие, дата более чем круглая – 2 тыс. лет. Но юбилей отметили предельно скромно, и европейские соседи юбилейное событие немцев почти не заметили. Во всяком случае, в России.

Между тем Х. Шульце в этой врезке ссылается на «многих исследователей, и не только западноевропейских», которые в этом событии видели начало особого культурного и политического немецкого пути, во многом определившего будущее страны»¹.

Но при этом, подчеркивает Х. Шульце, «немецкая нация оставалась чем-то неясным». Она «пребывала в тени мощной империи, могущество которой было мифологизировано, а политические символы: священное копьё, императорская корона и императорский трон Карла Великого в Ахене – связывались также с империей, а не с королевством» (35, с. 29).

И далее... «Немцы очень медленно привыкали к тому, что их называют немцами и в конце концов сами стали называть себя так, правда не придавая этому особого значения». И отсюда вывод Х. Шульце: «Мы, следовательно, имеем дело не с историей немецкого Средневековья, германской императорской власти и не с началом истории немцев, так как они еще ничего не знали о том, что они немцы» (35, с. 29).

Описывая ситуацию на пороге Нового времени, Х. Шульце указывает: «Империя (Reich), как и прежде, была далека до пре-

---

¹ В переводе книги Х. Шульце на русский язык, откуда воспроизводятся цитаты автора, сохранена традиция при названии институтов, географических названий, имен. «Reich» переводится как империя. «Kaiser» как император. Соответственно «Священная Римская империя», как она стала называться с 1157 г. То есть сохранена тенденция, о которой говорилось выше.

вращения в национальное государство – не существовало ни сформировавшейся нации, ни государства» (35, с. 37).

Сама империя представляла собой хаотическую сеть из примерно 1600 непосредственно подчиненных императору (Kaiser) территорий и городов, которые каждый по-своему «давно уже обегали империю на пути к государственности» (35, с. 40).

Наряду с маленькими и мельчайшими владениями, которые «нередко можно было окинуть взором со стены замка», наряду с богатыми и могущественными городами вроде Нюрнберга или Любека, а также гротескно крошечными имперскими деревнями, существовали обширные территории имперских князей с развитым центральным управлением и собственными ландтагами. В такой ситуации «в Центральной Европе не существовало государственных институтов, на которые могла бы опереться немецкая нация» (35, с. 40).

У Х. Шульце особое отношение к Реформации Лютера. Он признает, что выступления Лютера «способствовали зарождению чувства национальной общности». «Однако глубочайшая ирония истории, – полагает Х. Шульце, – заключается в том, что именно Реформация Лютера самым серьезным образом отбросила назад формирование немецкой нации как культурного и, вероятно, государственного единства» (35, с. 51). Почему так? Объяснение Х. Шульце: «Борьба между вероисповеданиями в Германии в соответствии с территориально-государственным принципом **cuius regio, eius religio** (“чья власть, того и вера”) оказалась не завершена. Эта незавершенность закрепились, и территориальный раскол империи был дополнен и углублен расколом конфессиональным» (35, с. 52).

Одновременно произошел раскол культуры. «С того времени в католической Германии под итальянским и французским влиянием расцвели изобразительные искусства, театр, живопись, церковная и светская народная архитектура, тогда как в областях, где господствовали евангелические церкви, в центре культурного развития были наряду с заботой о церковной музыке язык и его художественные формы» (35, с. 52).

Последствия этого культурного раскола, подчеркивает Х. Шульце, заметны в Германии до сих пор.

Отсюда и отношение к Вестфальскому миру 1648 г., который, по распространенному убеждению, заложил основы миропорядка, исходящего из незыблемости суверенитета отдельных государств. Х. Шульце так оценивает происшедшее: «Мир, заключенный в Мюнстере и Оснабрюке, немцы в большинстве своем расценивали

впоследствии как несчастье, как низшую точку немецкой истории» (35, с. 59). Причина: император и империя образовывали, как прежде, правовое сообщество, опиравшееся на старые традиции, громоздкое и малоподвижное, сложное и в своих переплетениях едва ли доступное пониманию. Вместе с тем «это была пользовавшаяся всеобщим уважением система, создававшая рамки для пестрого разнообразия немецких государственных образований – маленький европейский порядок посреди большого европейского сообщества» (35, с. 59).

Но, как пишет Шульце, «назревали и критические настроения». Специалист по государственному праву Самуэль фон Пуфендорф, (тот самый, книгу которого Петр I велел перевести на русский язык. – *Б.О.*), называл империю монстром.

Тем не менее «монстр» (т.е. Reich) продолжал существовать. При этом «в XVII–XVIII столетиях понятие “немецкий” обозначало только язык и не более того, и перспективы этого языка казались мрачными» (35, с. 69).

Между тем, полагает Х. Шульце, именно раздробленность, существование множества карликовых государств способствовало возникновению нации.

Одна из главных причин такой сложившейся ситуации – для подготовки компетентных государственных служащих каждый князь в меру своих возможностей заботился о создании высших школ, университетов и академий. Таким образом, на протяжении второй половины XVIII в. во всей Германии появился слой образованных людей как дворянского, так и бюргерского (буржуазного) происхождения.

С формированием этого слоя образованных людей немецкие диалекты и наречия сливались в язык высокой немецкой культуры. Вывод Х. Шульце: «В языковом отмежевании от французской культурной гегемонии во всей Европе образованная элита немецкого общества обрела национальную идентичность». Один из главных выводов историка: «Немецкая нация имела сначала культурно-языковую природу» (35, с. 71).

Х. Шульце полагает, что рождение немецкой нации произошло в период между 1806 г., когда прекратил свое существование первый Райх, он же империя, и 1848 г. Так и называется четвертый раздел его книги.

Оценивая французское влияние в период господства Наполеона, Х. Шульце обращает внимание на то, что это привело «к двум разнонаправленным результатам – проведению в германских

государствах реформ по французскому образцу и открытию немецкой нации» (35, с. 78). Все германские государства, кроме Пруссии и Австрии, в разной степени переняли французские институты и правовые нормы, часто приспособивая их к собственным традициям. «После предоставления гражданских прав, отмены привилегий дворянства, освобождения крестьян эта часть Германии стала более передовой и свободной, хотя и потеряла независимость» (35, с. 78).

Вместе с тем в народе росло сопротивление оккупации. Такие понятия как «отечество» и «нация» стали лозунгами. Зимой 1808 г. в Берлине, оккупированном французами, философ Йоганн Готлиб Фихте (1762–1814) выступил с «Речами к немецкой нации». Суть его высказываний: немецкий народ – исконный, неиспорченный, который борется против военного и культурного подчинения Франции за свою свободу и идентичность и тем самым служит историческому прогрессу.

Но были и другие личности, которые на ситуацию смотрели иначе. К ним относился и один из главных культурно-духовных авторитетов того времени Йоганн Вольфганг Гёте. Как пишет Шульце, у него «националистические восторги земляков вызвали отвращение. Гёте демонстративно носил орден, пожалованный ему Наполеоном, когда это стало непопулярным» (35, с. 80).

Шестой раздел своей книги Х. Шульце посвятил теме «Каким путем могла бы идти Германия? Возможные пути отклонения в немецкой истории». Заметим, такая постановка вопроса встречается нечасто в исторических исследованиях, в том числе в соседних странах.

Почему Х. Шульце обращается к этой теме? Его объяснение: «Вопрос этот ставить необходимо, ибо только реконструкция прежних возможностей и шансов освобождает нас от фаталистической компиляции истории, позволяет судить о действительном историческом развитии» (35, с. 107).

Х. Шульце рассматривает различные возможности решения германского вопроса, имея в виду перспективы объединения: созданный в 1815 г. Германский союз; попытка создать германское национальное государство в 1848–1849 гг.; идея «триады, с которой выступили средне-германские государства, боявшиеся как прусской гегемонии, так и прусско-австрийского двойного господства. Вывод историка: «Осуществленное в конце концов малогерманское решение германского вопроса под главенством Пруссии было, следовательно, лишь одной возможностью из многих» (35, с. 110).

По-своему объясняет Х. Шульце стремление Германии после объединения в 1871 г. к статусу мировой державы. «То был решительный разрыв с политикой Бисмарка, означавшей строгое самоограничение Центральной Европой. За рывком к империалистическим авантюрам стоял не старый прусский высший слой, казавшийся иностранным наблюдателям столь нецивилизованным и пугающим... Напротив, за подобного рода рывком стояла либеральная и имущая буржуазия, наследница немецкого национального движения, которая теперь, по мере роста своего экономического могущества, стремилась к экспансии и обретению значимости в мире» (35, с. 128).

Причины прихода нацистов к власти и характер их деятельности Х. Шульце рассматривает в разделе «Великогерманское безумие». Он, в частности, приходит к заключению, касающемуся не только Германии: «Тоталитарная диктатура укрепляется лишь тогда, когда овладевает сознанием людей» (35, с. 172).

И еще одно наблюдение: «Политические инсценировки, роскошная театрализация лозунгов, соединение повседневности с символами, полными смысла – никакой другой режим столь великолепно не владел этой техникой, как национал-социалистический» (35, с. 175).

Вот один из этих символов, приводит пример историк. Купол собора, созданный из света, брошенного ввысь лучами десятков мощнейших прожекторов противоздушной обороны – этот символ больше чем какой-либо другой, подходил «для выражения двойственного характера обращения национал-социалистов к чувствам: последние достижения техники в паре с глубочайшим архаизмом». Такой контраст, подчеркивает Шульце, «стал типичен для самоощущения Третьего рейха»: с одной стороны, автобаны, серебристые эмблемы «Мерседеса», народный радиоприемник, народный автомобиль «Фольксваген», первый в мире дизельный самолет, а с другой – германские мифы, рыцарские замки и праздники солнцеворота. «Самая современная техника и заклинание смерти срослись воедино» (35, с. 177).

При этом, подчеркивает историк, режим шел от одного внешнеполитического успеха к другому, что получало бесспорное одобрение большинства.

В заключительном разделе «Что такое отечество немцев?» Х. Шульце подчеркивает, что после всего происшедшего, когда «история германского национального государства завершилась в

ужасе и позоре», с «немецким особым путем, немецким особым сознанием покончено» (35, с. 227).

В четырех отношениях, полагает Х. Шульце, немецкое настоящее коренным образом отличается от немецкого прошлого.

1. Никогда государственная оболочка не была достаточно прочной, всегда представляла собой только временное решение, промежуточную стадию на пути к утопии, которую можно осуществить лишь силой или вообще никак. Отсюда особенно невротические формы выражения немецкого национализма и поиски немецкой идентичности. С этим теперь покончено. «С 3 октября 1990 г. ФРГ является единственной мыслимой оболочкой немецкой нации».

2. Старая дискуссия о том, определяется ли идентичность немцев национальной традицией или рамками Конституции, – дискуссия, длившаяся с кануна революции 1848 г. до так называемого «Спора историков», исчерпана. Отныне свобода и единство сливаются воедино.

3. Впервые в своей истории немцы объединились не против соседей, а с их согласия.

4. Впервые в своей истории германское национальное государство оказалось необратимо связано с Западом (35, с. 235).

Завершает свою книгу Хаген Шульце обобщающим выводом: «Теперь у нас снова есть государство немецкой нации, даже если для его внутренней консолидации и потребуется еще много времени и терпения». И чуть ниже: «Национальное государство стало менее важным, но отнюдь не излишним» (35, с. 235).

Итак, мы имели возможность ознакомиться со взглядами на идентичность в контексте исторического развития трех ученых: историка, осмысливающего проблемы становления немецкой нации в середине XIX в. до объединения Германии в 1871 г. (О. Данн); историка, рассматривающего проблемы Национального¹ сразу же после объединения двух Германий в 1990 г. (В. Вайденфельд); историка, подводящего итоги немецкому прошлому уже через десять лет после объединения, когда ситуация в стране достаточно стабилизировалась (Х. Шульце).

Ситуация стабилизировалась, но проблемы остались и пора обратиться к ним, останавливаясь на наиболее важных из них.

---

¹ Именно так, с большой буквы, историк называет Национальное как обобщающее явление. – *Прим. авт.*

«ОССИ» И «ВЕССИ» – ТРУДНЫЙ ПУТЬ «СРАЩИВАНИЯ»

Так получилось, что в дни, когда началось стремительное объединение Германии, я оказался в Западном Берлине. Здесь проходил очередной съезд Социал-демократической партии Германии, на котором принималась новая программа принципов. Я был приглашен на съезд как советский ученый, занимающийся изучением программной деятельности политических партий ФРГ, и прежде всего германской социал-демократии.

К вечеру 9 ноября 1989 г. стало известно, что открыт для свободного проезда известный пропускной пункт «Чарли» в Восточный Берлин. По слабоосвещенным улицам машина, где для меня нашлось место, быстро домчалась до здания Ратуши. Мы спустились в Ратхаускеллер, где было полно народу, а потом направились в кафе рядом с телевизионной башней, где за столами сидели представители ГДРовской социал-демократии. У них были напряженные, смущенные лица. Казалось бы, пробил исторический час для решительных действий. Но каких? И что надо конкретно делать? С чего начинать?

Ситуацию в историческом плане как бы обобщил на съезде Вилли Брандт. Он сказал «Теперь сращивается то, что принадлежит друг другу». Эта фраза затем многократно повторялась и была как бы лейтмотивом при осмыслении происшедшего.

Свое понимание происшедшего мюнхенский ученый Вернер Вайденфельд определил следующим образом: «Поскольку в современном осмыслении прошлого заложен важный слой нашего общественного восприятия и национальной идентичности, двойную историю немцев (ГДР и ФРГ. – *Б.О.*) нельзя преодолеть раздельно, если мы хотим совместно прийти к внутреннему единству». И далее пояснил: «За государственным единством лишь тогда последует общественное единство, когда в новых федеральных землях завершится модернизация, и оба общества смешаются друг с другом» (3, с. 253).

Однако вскоре выяснилось, что у ведущих политиков ФРГ разное понимание того, как следует проводить это «смешение», или, по Брандту, «сращивание». В то время как социал-демократы сосредоточили внимание на социальных аспектах воссоединения, тогдашний канцлер ФРГ Хельмут Коль действовал по принципу старинной поговорки «куй железо, пока горячо» и первым делом добился установления общего курса западногерманской марки, что дало возможность жителям ГДР поменять свои марки по завы-

шенному курсу. Тем самым создавались предпосылки для установления взаимопонимания жителей двух частей Германии в таком важном вопросе, как материальные условия жизни.

Примечательно, что на первых порах в текстах, в которых осмысливался процесс сближения, употреблялся термин «воссоединение» (Wiedervereinigung). Позже он сменился термином «единение» (Einigung). На самом же деле происходило присоединение ГДР к Западной Германии практически во всех областях жизни – от правовой до экономической и социальной.

Прежде всего речь шла не о создании конституции объединенной Германии, но о распространении принципов политического устройства, сформулированных в Основном законе ФРГ, на территорию ГДР. Руководство ФРГ принялось со всей немецкой основательностью перестраивать экономику на рыночный лад, обновлять инфраструктуру, коммуникации и дорожную сеть, приводить в порядок внешний облик городов на Востоке страны. На все эти дела выделялись огромные средства – порядка 200 млрд. марок в год.

Казалось бы, на эти усилия должна была последовать положительная реакция населения Восточной Германии. Очень скоро обнаружилось, что население ГДР с трудом привыкает к новому укладу жизни. Это проявилось не только в социальном плане (порядка 20% населения – безработные), но и в чисто психологическом. Как реакция на эти различия в просторечье появились понятия «осси» и «весси» – «восточные» и «западные».

В. Вайденфельд по-своему охарактеризовал сложившуюся ситуацию: «Восточные немцы хотели бы стать западными, не отрекаясь от собственного “я”». (3, с. 257). Проблема, однако, в том, что особенности этого «я», на мой взгляд, в недостаточной степени были осмыслены в научной литературе и в публицистике Западной Германии. И это обстоятельство не позволяет в полной мере разобраться в том, что представляла собой идентичность граждан ГДР и что произошло с нею после того, как они стали гражданами объединенной Германии.

В ходе дискуссий по поводу того, как характеризовать политическую систему в ГДР – был ли это тоталитарный, авторитарный, или еще какой-то специфический строй, в конце концов наиболее распространенной оказалась характеристика «режим правящей СЕПГ». Но это не более чем констатация, не раскрывающая сути этого режима.

Общеизвестно, что в ГДР существовала наиболее разработанная система слежки за людьми. В хранилищах Штази (госбезо-

пасность ГДР) были обнаружены километры полок с делами на граждан ГДР. Более чем наглядное свидетельство того, какая атмосфера царила в таком обществе. В этом одна из причин, по которым люди, используя любую возможность, стремились перебраться в Западную Германию. До установления пресловутой Берлинской стены с 1949 г. (год образования ГДР) до 1961 г., согласно данным Федеральной статистической службы, из Восточной Германии сбежали 2 млн. 686 тыс. 942 человека. И после установления Стены люди продолжали уходить. В 1962–1983 гг. – 465 197 человек, с 1984 до 9.11.1989 г., когда Стена рухнула, – 350 893 человека (53, с. 337). Как видим, подсчитано с типичной немецкой основательностью – вплоть до одного человека.

И тем не менее ГДР не представляла собой «тоталитарный барак», в котором буквально все держалось только на насилии и страхе.

Более того, оглядываясь назад, я прихожу к выводу, что, находясь сравнительно короткое время в ГДР в качестве корреспондента «Известий» (конец 1963 – середина 1965 г.), я был свидетелем своеобразной ГДРовской «оттепели».

Я прибыл в Берлин в тот момент, когда велись переговоры с западноберлинскими властями о так называемых «рождественских пропусках». В, казалось бы, навечно установленной «Стене», огороженной колючей проволокой, открывалась пусть небольшая, но брешь. Пусть на короткое время. Пусть для ограниченного числа людей, которым позволено посетить родных и близких на рождественские праздники. Но что-то зашевелилось, пришло в движение в отношениях между враждебными блоками, которые, казалось бы, насмерть стояли друг против друга, не желая никаких контактов.

Для человека из Москвы, приученного к тому, что при социализме только одна партия может представлять народ – коммунистическая, было необычным столкнуться в ГДР с многопартийной системой, похожей на ту, что существовала в ФРГ. Здесь были свои христианские демократы, свои либералы, представители крестьянской партии. Правда, не было социал-демократов. Считалось, что они объединились с коммунистами в рамках Социалистической единой партии (СЕПГ). Но даже эта формально слепленная политическая структура, где всем заправляло руководство СЕПГ, ориентируясь на указания из Москвы, представляла собой некое отличие от монолитной структуры в СССР и наводила на некоторые размышления относительно возможностей движения к политическому плюрализму.

В тот период – середина 60-х годов – в Восточном Берлине культурная жизнь была довольно разнообразной. Мне довелось посетить почти все спектакли брехтовского «Берлинского ансамбля», был знаком с некоторыми его сотрудниками. Большой популярностью пользовались спектакли «Комише опер» режиссера Фельзенштайна. В Немецком театре в мою бытность показывали пьесу Евгения Шварца «Дракон» с ее антитоталитарным подтекстом. В сатирическом театре «Дистель» («Репей») позволяли критику в адрес министра культуры, что в Москве представить себе было невозможно.

Была разнообразной литературная жизнь. Писатели Анна Зегерс, Эрвин Шриттматер, Стефан Гейм, Дитер Ноль были известны читающей публике, их произведения активно обсуждались. В документальной повести писателя Бруно Апица «Голой среди волков» рассказывалось о том, как узники концлагеря в невероятных условиях спасали жизнь оказавшемуся в лагере мальчику. С нарастающим вниманием относились к произведениям молодой писательницы Кристи Вольф, особенно к ее рассказу «Расколотое небо» о судьбе влюбленных из двух частей Германии. Словом, существовала литературная жизнь, которая протекала не только в заданных идеологических параметрах.

При мне началось освоение принципов «новой экономической системы» – этого ГДРовского варианта советского НЭПа. О том, как внедрялись в экономику эти рыночные принципы, я рассказал в репортаже, посетив в Эрфурте руководство Объединенных народных предприятий по производству пишущих машинок. Своей статье я предпослал заголовок «Социалистический концерн», используя высказывание Вальтера Ульбрихта на одном из партийных совещаний. Статья долго кочевала по кабинетам на Старой площади, пока ее наконец решились опубликовать в «Известиях» (23, 1965). По-иному сложилась судьба самой экономической системы. Возможность свободной рыночной деятельности пришла в столкновение с политикой партийной бюрократии. Видя невозможность реализации задуманного, один из авторов проекта Э. Апель покончил жизнь самоубийством, другой – Г. Миттаг – предпочел сохранить позиции в руководстве партии ценой отказа от реформаторского курса.

Как мне представляется, эта трагедия явилась как бы началом полного торжества партийной бюрократии. В Москве сместили с поста Хрущёва, в Берлине руководство СЕПГ в 1971 г. возглавил Хонеккер. Начался период застоя в его ГДРовской специфике.

Но были и отличия. В Москве в середине 80-х годов начались попытки обновления облика социализма, получившего название «Перестройка». В Берлине вместо экономических реформ внимание партаппарата было сосредоточено на разработке новой идеологической концепции, согласно которой за годы существования двух германских государств произошло формирование отличных друг от друга наций: в ГДР – социалистической, в ФРГ – капиталистической. Тем самым затрагивались ментальные, социальные и духовные основы немецкой идентичности.

При этом перестроечные процессы, происходившие в Москве, воспринимались весьма сдержанно. Дело дошло до того, что было запрещено распространение советского журнала «Спутник» на немецком языке, в котором затрагивалась перестроечная тематика.

Более того, развернулась и публичная дискуссия, затрагивающая идеологическую деятельность СЕПГ. Известный публицист Леонид Почивалов в самый разгар Перестройки опубликовал в «Литературной газете» статью «Немцы и мы», в которой размышлял о возможностях новых подходов к двум германским государствам (31).

Через два месяца в «Литературную газету» из Берлина поступила статья с подчеркнутым смысловым названием «О разных немцах». Ее автором выступил не такой же публицист как Л. Почивалов, но официальное лицо – заместитель министра культуры ГДР Клаус Хёпке (37).

Суть позиции К. Хёпке изложена в следующем высказывании: «Я хотел бы коснуться здесь политической структуры ГДР, которая характеризуется властью рабочего класса в союзе с другими трудящимися классами и слоями. Это относится и к нашему хозяйственному механизму, определяемому главным образом общественной собственностью на средства производства, и к новой социальной структуре, и к глубоким преобразованиям в духовной и культурной жизни. Во всех этих реальных процессах в жизни народа ГДР, которые далеко не завершены, а будут длиться исторически долго, создается **социалистическая немецкая нация**» (выделено автором) (37).

На моей памяти это был первый и последний публичный обмен критическими суждениями представителей СССР и ГДР. Кстати, не прошло и года, как население ГДР по-иному высказалось относительно перспектив создания социалистической немецкой нации. На массовых митингах в Лейпциге люди несли сначала лозунг «Мы – народ», а позднее «Мы единый народ». А еще через

год ГДР перестала существовать как государство, что было зафиксировано 31 августа 1990 г. в договоре о восстановлении единства страны путем присоединения восточногерманских земель к ФРГ.

Казалось, что после этого начнется процесс интенсивного «сращивания», о чем говорил Брандт. Для жителей ГДР наконец-то открылась возможность без препятствий общаться со своими соотечественниками в Западной Германии. Но на деле все оказалось сложнее. За минувшие 40 лет существования немцев в двух разных государствах в них формировались два разных типа поведения, два разных мировосприятия и две разных идентичности. Отсюда и появившиеся разделительные характеристики «осси» и «весси».

Появилось и новое понятие «остальгия». В него вкладываются разные представления. В том числе учитывающие те процессы, которые проходили в ГДР за сравнительно длительный период и которые не вписываются в упрощенное представление о том, что этот режим держался исключительно на штыках советских оккупантов. Мои краткие воспоминания о пребывании в ГДР в роли советского корреспондента – это свидетельство того, что в тот период (середина 60-х годов) в ГДР наблюдались интересные культурные и экономические процессы, участники которых живы по сей день, входя со своими взглядами и воспоминаниями, или, как отметил В. Вайденфельд, со своим «я» в общее понятие «осси».

С момента объединения прошло уже более двух десятилетий. Тем, кому к моменту объединения (1989–1990) было десять лет, ныне – граждане со зрелым восприятием прошлого и настоящего. Можно предположить, как по-разному они оценивают ГДРовское прошлое. Одни – как негативный отрезок общей германской истории, когда на месте национал-социализма усилиями советских оккупационных властей был устроен политический режим такого же тоталитарного типа, но в иной идеологической упаковке.

Другие – как социальное государство, открывавшее возможность для трудящегося населения получать образование, приобщаться к культуре, участвовать в устройении справедливого общества в соответствии с марксистскими установками.

И появившийся фильм «Гуд бай, Ленин!» одни, вероятно, воспринимают как прощание с идеологическим прошлым, другие – как сожаление о временах возможности устройства новой, справедливой жизни.

Конечно, эти предположения основываются на моих личных представлениях о прошлом ГДР как свидетеля происходившего здесь в середине 60-х годов (кстати, частично отраженных в «Бер-

линском дневнике», помещенном в книге «Германия с дальнего и ближнего расстояния») (27) и носят субъективный характер. Ну, а историкам остается осмыслить все проходившие в ГДР за минувшие 40 лет, учитывая всю совокупность факторов, и не ограничиваясь сухой констатацией – это был «режим СЕПГ».

Точно так же важно учитывать, что произошло в Восточной Германии уже после того, как ее жители стали гражданами объединенной ФРГ. В этом смысле представляют интерес впечатления современного журналиста – представителя влиятельной газеты «Франкфуртер альгемайне», одного из ее редакторов Франка Перганде. Его статья перепечатана в русском издании журнала «Internationale Politik» и ее название «Цветущие ландшафты, плохое настроение» с подзаголовком: «Сегодня Восточная Германия мало напоминает ГДР, зато все больше – Германию, и это далеко не всем нравится» (28) достаточно красноречиво указывает на характер впечатлений автора.

Подробно рассказывая, что стало с военными гаражами советских оккупационных частей, расположенными вокруг Берлина, с природным ландшафтом, с экономикой, Ф. Перганде делает такой вывод: «Массовая безработица в Восточной Германии угнетает. Те, кто непосредственно сталкивается с ней, считают виноватым в этом ведомство по реорганизации и приватизации, которому после 1990 г. было поручено приватизировать так называемую народную собственность ГДР. Снова и снова звучит мнение, что “опекуны” многое разрушили. На самом же деле искусственно созданная промышленность ГДР с ее колоссальной потребностью в рабочей силе, с ее изолированностью от мирового рынка не могла выстоять при переходе к рыночной экономике» (28, с. 14).

Иное произошло в сельском хозяйстве. «Многие созданные в ходе коллективизации сельскохозяйственные производственные товарищества (ЛПГ) работают и сегодня как аграрные общества с ограниченной ответственностью (ООО), занимая площади порой в тысячу и более гектар. Они стали конкурентами малых сельскохозяйственных предприятий старых федеральных земель» (28, с. 14).

Ф. Перганде полагает, что большую роль в выравнивании условий жизни в обеих частях Германии сыграла финансовая помощь. Он называет конкретные цифры: «На настоящий момент (2005) в целом более триллиона евро были переведены Западом на Восток. Такую огромную сумму невозможно себе представить, – замечает журналист, – но она тем не менее не привела к прописанной в Основном законе Федеративной Республики цели – выравни-

ниванию жизненных условий» (28, с. 14). Эти средства были выделены на основе «Пакта солидарности», заключенного 16 федеральными землями. За ним последует второй «Пакт солидарности». До 2019 г. новые федеральные земли получают дополнительно еще 105 млрд. евро.

И тем не менее молодые люди предпочитают переезжать на Запад. Если в ГДР проживали 17 млн. человек, то в 2005 г. в восточных землях насчитывалось едва 15 млн. И это притом, что «многие из панельных многоэтажек переезжают во вновь выстроенные дома». Городские центры, пришедшие в упадок во времена ГДР, сегодня снова процветают.

Журналист из «Франкфуртер альгемайне» называет причины, по которым жители ГДР с трудом приспосабливаются к новым условиям. «Граждане ГДР слишком привыкли к уравнительной повсеместной опеке социалистического государства, к тому, что рабочее место есть нечто само собой разумеющееся, к государственной системе распределения жилья, к местам в яслях и детских садах и к единой школьной системе. В области экономики восточные немцы считали виноватыми “опекунов”, в социальной сфере – западных немцев» (28, 15).

Ф. Перганде обращает внимание и на такое обстоятельство – отсутствие взаимного любопытства. «Половина западных немцев до сих пор (2005) не удосужилась побывать на востоке страны».

И как один из результатов происшедшего: «Настроение в Восточной Германии хуже, чем сложившаяся здесь объективная ситуация» (28, с. 15). В этом одна из причин, почему восточные немцы активно поддерживают Левую партию, наследницу прежней государственной партии – СЕПГ. За нее голосует четверть избирателей.

Более того, возникла своего рода ностальгия по прошлому. Молодые люди носят спортивно-тренировочные костюмы бывшей ГДРовской армии, они охотно ездят на крошечных «Трабантах», которые в свое время называли «мыльницами» или «клопами». Даже Ленин становится своего рода поп-звездой. Проявляется интерес к русским товарам, прежде всего сувенирам. «Какое-то время после вывода советских войск с территории ГДР даже автомат Калашникова был хорошо продаваемым товаром» (28, с. 14–15).

Заканчивает свою статью редактор газеты «Франкфуртер альгемайне» таким высказыванием: «Раньше советские граждане всегда с интересом искали в ГДР старую Германию. Но если кто-то из них сегодня посетит старые места, то будет поражен: Германия еще никогда не была такой красивой!» (28, с. 17).

С тех пор прошло семь лет. Надо думать, процессы «срастания» продолжались. Но проблемы, обозначенные в статье журналиста из «Франкфуртер альгемайне», по-прежнему дают о себе знать, влияя на формирование образа типичного немца и тем самым на формирование общегерманской идентичности.

ХОТЯТ ЛИ БАВАРЦЫ ОТДЕЛИТЬСЯ?

Разделение немцев на «осси» и «весси», надо полагать, рано или поздно перестанет существовать. Иная судьба у разделения Германии по отдельным регионам-землям с присущей их жителям особой ментальностью. Я с этим столкнулся, когда в конце 1963 г., приехав в качестве корреспондента в Берлин, общался с чиновниками из Министерства иностранных дел, оформляя свое пребывание в ГДР. Они говорили на немецком, но с каким-то особым произношением. Это были саксонцы. Точно так же саксонцем был Вальтер Ульбрихт, саксонский диалект которого был усугублен ужасным произношением. Это не мешало ему часами выступать на разных мероприятиях, его речи передавались по радио, и понимать суть произносимого приходилось с определенным напряжением. Один из первых анекдотов, который я услышал об Ульбрихте, был связан с его многочасовыми речами.

Вопрос: можно ли завернуть мамонта в газету «Нойес Дойчланд»? Ответ: Можно. На следующий день после выступления товарища Ульбрихта. (Имелась в виду публикация текста речи, на многих страницах в главной партийной газете.)

То было время «позднего Ульбрихта», которое совпало с временем «позднего Хрущёва», и исследователям еще предстоит разобраться в деятельности этих противоречивых партийных реформаторов, пытавшихся что-то подправить в сложившихся тоталитарных системах.

Ульбрихту пришлось создавать политический режим в весьма специфических условиях. С одной стороны, практика советского государства, но с другой – практика нацистского государства, на части территории которого и приходилось устанавливать новые порядки. Отсюда, с одной стороны, копирование советского образа при прямом подчинении оккупационным властям. С другой стороны, фактически сохранение той партийно-территориальной вертикали, которую выстраивали нацисты, упразднив специфику исторически сложившихся земель и разделив страну на партийно-управляемые округа. Ульбрихт сохранил этот принцип. ГДР была также поделена

на партийные округа, и особенности ментальности выходцев из некогда существовавших земель давали о себе знать лишь в их особом произношении.

При объединении в 1990 г. округа были упразднены, был восстановлен земельный принцип, и на территории бывшей ГДР появились пять «новых земель», как их стали называть, и вместе с 11 «старыми землями» они образуют ныне существующую федеративную республику.

Одна из примечательных особенностей немецкого сообщества, понимаемого в широком историческом плане, будучи даже в состоянии чрезвычайной раздробленности – и во времена Райха, и во времена Германского союза, а затем Северогерманского союза и объединенной Германии, – немцам удалось сохранять нечто общее, что их отличало от других народов. Причины называются разные. Это прежде всего ментальная, культурная, религиозная общность. Но это также навыки в поведении при решении конкретных дел, именуемые кратким словом Ordnung.

Сохранить своеобразие и самостоятельность субъектов федерации и вместе с тем дать им возможность воспринимать себя как часть целого – этими соображениями руководствовались отцы Основного закона, принятого в 1949 г.

Согласно Основному закону, земли в Германии это фактически малые государства; они самостоятельно осуществляют всю полноту государственной власти за пределами полномочий федерации.

Их самобытность отражена также и в их названии, приведенном в официальном справочнике МИД ФРГ. Земля Баден-Вюртемберг, но Республика Бавария, Берлин, Бранденбург, но Вольный ганзейский город Бремен. Вольный ганзейский город Гамбург, но земля Гессен. Далее идут названия других земель, но среди них Республика Саксония и Республика Тюрингия (6, с. 3).

Принципиально важно, что, согласно ст. 79 Основного закона, деление федерации на земли и их участие в законодательном процессе не может быть отменено даже в случае пересмотра Основного закона. В силу этого обстоятельства федеративное устройство Германии превращается в «вечную гарантию» и не может быть изменено ни при каких условиях.

Федерация и земли самостоятельны и независимы друг от друга в вопросах финансовой деятельности. И вместе с тем – и это обстоятельство важно подчеркнуть – сохраняется возможность финансового выравнивания между землями. Этот принцип закреплен в ст. 107 Основного закона, которая определяет существование

единообразных условий жизни по всей территории республики как государственную задачу. Эта задача приобрела особую актуальность при воссоединении Германии, когда выяснилось, что буквально все в «новых землях» предстоит делать заново – от сооружения коммуникаций и строительства дорог до восстановления исторического облика городов.

Специалист в этих вопросах, президент земельного банка в Берлине и Бранденбурге Клаус-Дитер Кюбахер на конференции в октябре 1996 г. так определил масштаб предпринятых усилий: «Финансовое выравнивание новых земель ФРГ и Берлина в расчете на число жителей повышается в общей сложности на две трети. В результате их финансовое обеспечение более чем на 20% превышает средний общегерманский уровень» (13, с. 234). Иными словами, «весси» согласны на то, чтобы выравнивалась ситуация в землях, в которых проживают «осси».

За проявлением такой общегерманской солидарности скрывается много причин. Видимо, не следует сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что после войны из Восточной Пруссии, Силезии, Судетов переместились в основном в западную часть Германии порядка 12 млн. человек. Земельный патриотизм был в какой-то степени разбавлен необходимостью помогать переселенцам.

Тем не менее тенденции к усилению самостоятельности в ряде земель, и прежде всего таких как Бавария, дают о себе знать. Более того, именно в ФРГ, разрабатывается система взаимоотношений земель с регионами в других странах Европы. Специалист по европейскому регионализму И. Бусыгина так оценивала сложившуюся ситуацию: «Европейские федералисты полагают, что немецкая система “Германия земель” может послужить своего рода моделью “Европы регионов”» (2, с. 216). Это было сказано в 1998 г. С тех пор региональные процессы в Европе продолжали активно развиваться, в том числе и в Германии.

Однако оснований полагать, что отдельные земли все же намерены всерьез отделяться, пока что нет. И это прежде всего касается Баварии – земли с ярко выраженными ментальными характеристиками, придающими баварцам особое своеобразие. Это своеобразие находит отражение не только в их внешнем облике, в их образе жизни, в их песнях и танцах, в их знаменитых «пивных праздниках», но прежде всего в их постоянном подчеркивании своей самостоятельности. В том числе и на политическом уровне. Так, существует общегерманская партия Христианско-демократический союз (ХДС). Но в нее входит на особых правах бавар-

ский филиал со своим названием – Христианско-социальный союз (ХСС). И если в приведенном выше справочнике МИД ФРГ название земли «Freistaat» переведено на русский язык как «Республика», то многие баварцы предпочитают другой перевод названия – «Свободное государство Бавария». Именно эти обстоятельства учитывал автор данной работы, когда разделу, посвященному проблемам регионализма в ФРГ, предпослал заголовок: «Хотят ли отделяться баварцы?»

Изучение «баварского феномена» открывает для исследователей возможность осмысления политики, которая позволяет гибко сочетать сохранение региональной идентичности и общестрановой идентичности. Пример, заслуживающий особого внимания, если учесть, к чему приводят сепаратистские тенденции в других странах Европы.

«МУЛЬТИ-КУЛЬТИ» И НЕМЕЦКАЯ КУЛЬТУРА

Если время работает на то, что процесс «срачивания» немцев из бывших двух частей Германии при всех обстоятельствах будет продолжаться, то этого нельзя со всей определенностью сказать о значительной части той категории населения, которая числится как иммигранты. В Германии их порядка 8–9 млн. человек.

Озабоченность в этой связи в Германии существовала давно. Но публично, преодолевая запреты политкорректности, ее высказал известный социал-демократ Тило Саррацин в книге, которая вышла в Германии в 2010 г. внушительным тиражом 650 тыс. экз., а затем ее переиздавали более 10 раз (113). Руководство СДПГ, по-своему реагируя на книгу Саррацина, исключило его из партии. Но тут запротестовал ряд первичных организаций, и «возмутителя политкорректности» пришлось в партии восстановить. Такая вот необычная история в политической жизни германских социал-демократов.

Но что это за книжка такая, из-за которой столько треволнений? Суть проблемы обозначена в ее названии: «Германия самоликвидируется. Как мы проигрываем нашу страну» (113). Что побудило довольно взвешенного политика прийти к такому тревожному выводу? О каком проигрыше идет речь? Тут без обращения к прошлому не обойтись.

В 60-е годы прошлого века в Западной Германии начался экономический подъем, который публицисты назвали «экономическим чудом». Сотворить это «чудо» на развалинах разбомблен-

ных городов помогали приглашенные рабочие. В основном из южноевропейских стран, прежде всего из Югославии. Примечательно, что их называли «GastArbeiter», т.е. «гостевыми рабочими». То есть пожили, заработали денежек и домой.

Так оно и получалось. Благо родной дом находился не так далеко. Те же, кто оставался, проблем особых не создавали – практически сходная ментальная культура. Как-никак, европейцы.

В 70-е годы состав гастарбайтеров начал меняться. На смену европейцам приезжали представители исламской религиозной культуры, главным образом из Турции.

Первоначально в немецком обществе к этому отнеслись спокойно. В среде социал-демократов был распространен тезис о взаимном обогащении различных культур в процессе проведения политики мультикультурализма. Примерно такой же точки зрения придерживались сторонники других политических партий, особенно Зеленые.

Но вместе с тем в повседневном обиходе родилось странное выражение «мульти-культи» без какого-то конкретного, а тем более правового содержания. Хотя речь при этом шла именно о сближении культур коренного населения и приезжих.

Шли годы. Число турецких иммигрантов росло, и при этом все более явственной становилась тенденция – турки предпочитают жить обособленной общиной, сохраняя тесные семейные связи с родиной. Обнаружилось и другое – в поколении молодых турок, родившихся и воспитанных в Германии, растет число тех, кто становится на позиции агрессивного ислама, настаивает на его распространении теперь уже в Германии. Зримым подтверждением этой тенденции было сооружение мечетей на всем пространстве страны.

Дело доходило до того, что был составлен проект мечети в Кёльне высотой выше башен Кёльнского собора, что должно было символизировать торжество ислама в одном из главных центров христианства в Европе.

Примечательно, что власти Кёльна первоначально запретили гражданскую инициативу с протестом против строительства такой мечети. И тут мы подходим к проблеме, которую в обнаженном виде обозначил в своей книге Тило Саррацин. В политических кругах ФРГ, в среде ученых и деятелей культуры годами обходили эту тему, памятуя о нацистском прошлом страны и опасаясь, что критика исламизма будет расценена как проявление расизма. Это особенно касалось социал-демократов с их принципиальной позицией – равное отношение к другим народам и их культуре.

Основной толчок к переосмыслению ситуации исходил от населения, которое видело, как на их глазах города – большие и маленькие – постепенно теряют привычный сложившийся веками облик. Не находя отклика на свои опасения в традиционных демократических партиях, население стало все больше обращаться к партиям, у которых во главе их программы лозунг «Европа для европейцев». Тем самым стимулировались националистические настроения в обществе.

Эта тенденция прослеживалась не только в Германии, в других странах она приобретала более обостренный характер. В той же Франции пригороды, где проживали иммигранты, превращались в поле битвы молодых иммигрантов с полицией, а в Великобритании некоторые районы столицы становились местом разгула мародерствующей толпы, состоящей из тех же мигрантов.

Назвать вещи своими именами публично, на европейском уровне, осмелился премьер-министр Великобритании Д. Камерон. Выступая на Конференции по безопасности в Мюнхене 5 февраля 2011 г., он заявил, что «государственный мультикультурализм» в Великобритании потерпел крах.

Еще раньше на эту тему, но в более узком кругу, высказалась канцлер ФРГ А. Меркель. Выступая 13 октября 2010 г. перед молодежной организацией ХДС в Подсдаме, она сказала дословно следующее: «Мы исходили из идеи мультикультурализма и думали, что будем жить рядом и ценить друг друга, но такой подход провалился, совершенно провалился» (8, с. 29).

Как и в других странах, в Германии спешно разрабатываются законы (в дополнение к существующим), по которым в страну будут принимать людей, более осведомленных о немецкой истории, культуре с возможностью общения на немецком языке. Но именно Германия столкнулась с проблемой, когда процессу вrastания иммигрантов в немецкий образ жизни препятствуют политики тех стран, из которых приехали иммигранты. Не кто иной, как премьер-министр Турции Р. Эрдоган, выступая перед представителями турецкой диаспоры 28 февраля 2011 г. в одном из городов Германии, призвал присутствующих учить в первую очередь турецкий язык, а уже затем немецкий (8, с. 26).

Политические деятели ФРГ поставлены перед сложнейшей проблемой: учитывать настроения населения, не желающего утрачивать сложившийся образ жизни в привычной окружающей среде, но вместе с тем способствовать сближению иммигрантов, насчитывающих миллионы человек, с основным составом населения и

разрабатывать новые варианты более приемлемой политики все того же мультикультурализма в его какой-то обновленной форме.

Тем более что при всех обстоятельствах, иммигранты все больше принимают участие в экономической и политической жизни Германии. Как-никак, в стране вырастает уже новое поколение турецкой диаспоры, и его представителей можно встретить и в рядах политических партий (особенно в партии Зеленые), и в стенах муниципалитетов, и в парламентах. В 2009 г. в местные парламенты и в Бундестаг были избраны в общей сложности 85 депутатов турецкого происхождения¹.

Есть все основания полагать, что эта тенденция будет развиваться и вместе с тем будут создаваться предпосылки для обострения той проблемы, анализу которой посвятил свое исследование кельнский ученый Отто Данн и размышления которого о сути Райха и его особенностях, проявившихся в истории Германии, были воспроизведены выше (53). Речь идет о современном понимании нации, и о роли в ее становлении этнического фактора.

Поясним, что имеется в виду. Ныне мало кто задумывается о том, что название страны – Deutschland (в буквальном переводе – Страна немцев, Дойчландия) – не совпадает с общепринятым названием Германия. Почему так получилось, пусть в этом разбираются в первую очередь филологи. Важно, что испокон веков под Германией подразумевалось нечто целостное (вспомним Й. Шерра «Германская цивилизация» и А. Пушкина «Он из Германии туманной...»). Но самих немцев это раздвоенное название их страны мало волнует. Точно так же и то, в каком случае применяются прилагательные «германская» и «немецкая».

Ну, скажем, «культура». Она немецкая или германская?

Или «социал-демократия». Она немецкая или германская?

При переводе на русский какого-либо установившегося правила не существует. И нам в ИНИОН при переводе книги С. Миллер и Х. Поттхоффа, посвященной истории СДПГ (18), приходилось руководствоваться собственной интуицией.

Перед немцами ныне встала более сложная проблема. Ее суть выявилась в беседе с немецким дипломатом, состоявшейся летом 2011 г. «Скажите, Германия – это страна немцев или всех граждан, в ней проживающих?» – спросил я. Подумав, дипломат ответила:

---

¹ Эта тематика подробно проанализировала в статье С.В. Погорельской «Влияние иммигрантов на немецкое общество. Взаимная интеграция». См.: АПЕ ИНИОН РАН, 2010, № 4. – С. 34–70.

«Теперь уместнее говорить: “Страна всех граждан, проживающих в ней”». А между тем в Конституции ФРГ, принятой в 1949 г., включена статья, в которой предусмотрено, что все, кто считает себя по этнической принадлежности немцем, могут быть приняты в гражданство ФРГ.

Будем учитывать, при каких обстоятельствах разрабатывалась эта Конституция. Прошло четыре года с момента тотального поражения в войне, зачинщиком которой была Германия, пытавшаяся силой навязать Европе порядок, основанный на превосходстве арийской расы и на ликвидации других этнических групп, в первую очередь евреев. Страна разделена на оккупационные зоны. Обостряется идеологическое и военно-политическое противоречие между недавними победителями в этой войне. Составители Конституции пытались учесть политические особенности германского Райха, просуществовавшего столетия, Веймарской республики, создать устойчивую демократическую систему, сбалансированную в социальном плане. Вместе с тем был принят во внимание и немецкий этнический фактор. При этом имелись в виду также вынужденные переселенцы из Пруссии, Силезии, Судет (а это порядка 12 млн. человек), а также «советские немцы», депортированные в ходе войны в Казахстан и Сибирь и лишенные в СССР основных гражданских прав.

Теперь, спустя шесть с лишним десятилетий, уже в объединенной Германии, при наличии большого количества иммигрантов, немцам приходится по-иному определяться со своей идентичностью, задаваясь вопросом: Германия – страна немцев, при наличии значительного числа лиц другой этнической или религиозной принадлежности, или же всех граждан, проживающих в ФРГ. Выше была воспроизведена неофициальная точка зрения дипломата. Но что думают в этой связи ученые, политики, общественные деятели? Представляется, что ответ на этот вопрос на долгие годы будет оставаться в центре политической и общественной дискуссии, и мы к нему еще вернемся, заметив попутно, что нечто похожее наблюдается в России, где до сих пор окончательно не определились: это страна русских или же всех проживающих в стране и именуемых россиянами.

Ну а как быть в Германии с мультикультурностью? Очевидно, поступить так же, как и в других странах Европы, принимающих иммигрантов. То есть учиться взаимодействовать с представителями других цивилизаций. Кстати, над серьезностью этой проблемы немецкие политики размышляют давно. Вот несколько примеров.

Р. Зюсмут, которая десять лет была председателем Бундестага (1988–1998), затем членом Глобальной комиссии по международной миграции при ООН, так высказывалась по этой тематике в 2006 г. на страницах журнала «Internationale Politik»: «Нерешенные проблемы миграции чреватy общественным взрывом. Это снова и снова демонстрируют эксцессы с проявлением враждебности к иностранцам, а также беспорядки в эмигрантских кварталах крупных городов, происходящие в Европе. Даже если эти беспорядки не имели ничего общего с исламским фундаментализмом, во многих принимающих государствах возросло опасение, что проблемы интеграции могут содействовать распространению воинствующего фундаментализма».

В том же номере журнала «Internationale Politik» главный экономист группы «Дойче банк» Норберт Вальтер сложившуюся ситуацию с эмиграцией охарактеризовал как «эру величайшего переселения народов». Так называется его статья. Он полагает, что «европейское переселение народов будет представлять большой вызов в плане социальной интеграции. Большинство мигрантов будут являться представителями чужих этнических групп, представителями мусульманских стран». При этом Н. Вальтер обратил внимание на явления, сопутствующие этому процессу: «Иммигранты будут иметь совершенно иные проекты жизни, чем те, которые распространены в принимающих странах. Языковые различия колоссальны».

Эти высказывания, сохранившие свою актуальность по сей день, свидетельствуют о том, что в среде немецких политиков и деловых людей присутствует понимание всей сложности ситуации с мультикультурализмом. И что речь идет не просто о принятии мер заградительного или запретительного характера по отношению к иммигрантам, число которых при всех обстоятельствах не будет, во всяком случае, снижаться.

Необходимо формирование каких-то процессов, которые способствовали бы сохранению этнокультурных традиций, сложившихся в немецком обществе веками, с возможностью более тесного, малоконфликтного взаимодействия с представителями других культур, проживающих ныне в Германии.

Примерно так, с моей точки зрения, следует понимать идею «Leitkultur», в переводе – ведущей, руководящей, направляющей культуры, которую обозначил баварский политик лидер Христианско-социального союза Хорст Зеехофер на встрече христианских демократов в октябре 2010 г. и которая вот уже несколько лет об-

суждается в политических и интеллектуальных кругах ФРГ. (Подробнее см.: 29; 30, с. 104.)

Но понятие «направляющая культура» может при желании быть воспринято как нечто указующее, директивное и, следовательно, мешающее сближению с представителями других культур. Более распространенным оказалось другое понятие – *Kulturnation*, в переводе – «нация культурных традиций», «нация, ориентирующаяся на культуру».

Представляется, что это как раз такой подход, который позволяет более конструктивно подходить к проблеме мультикультурализма. Примечательно, что эта тематика давно стоит на повестке дня немецких ученых. Наглядный пример – дискуссия, которая ведется в земле Гессен начиная с 1988 г., т.е. до объединения Германии в рамках исследовательского проекта по теме «Национальная и культурная идентичность». В этой дискуссии принимают участие университеты Гессена, Марбурга и Франкфурта-на-Майне.

Один из результатов дискуссии – книга с таким же названием, которая вышла в 1991 г. во Франкфурте-на-Майне (63). Книга представляет собой сборник статей, где тематика рассматривается в историческом контексте на примере отдельных стран (Германия, Англия, Франция, Бельгия, США). Среди авторов мы встречаем знакомого нам Отто Данна со статьей «Определения и типы Национального в раннем Новом времени» (53, 1991).

Составитель сборника Бернхард Гизен указывает, что в ходе исторического процесса становления национальных государств возникли «новые формы коллективной идентичности». Со временем не князь, а народ, нация стали суверенным субъектом истории. «Этот демократический фундамент национально-государственной идеи прослеживается до начала двадцатого столетия» (63, с. 9). Но затем, с учетом исторического примера фашизма, в его адрес разразилась принципиальная критика, которая стала рассматривать национализм как угрожающее заблуждение (*Verirung*) на пути эпохи Модерна. «Опыт Холокоста и Второй мировой войны легли в конститутивную основу рассмотрения истории, которая любую политическую ориентацию на национальные различия и интересы ставит под подозрение, полагая, что это препятствует универсалистскому гуманизму свободных и равных» (63, с. 11). Из субъекта истории национальная идея стала результатом истории, которую можно избежать и преодолеть. В сложившейся ситуации «тезис о нации культурной традиции становится исходным пунктом куль-

туралистской парадигмы, значительно преодолевающей представление об особом немецком пути» (63, с. 12).

При таких обстоятельствах национальная идентичность становится «конструкцией коллективного в поле взаимоотношений между культурой и политикой». Отсюда вывод Гизена: «Все разумные субъекты, которые могут взаимодействовать друг с другом в публичной сфере, образуют нацию» (63, с. 15).

Как видим, перед нами попытка, изложенная на сложном политологическом языке, уйти от сугубо этнического толкования национальной идеи в сторону обоснования критериев, связанных прямо или косвенно с областью культуры, трактуемой в широком смысле. Отсюда появление нового термина «Национальное» без четких понятийных признаков, о чем говорилось выше.

Из статей, помещенных в сборнике, остановимся на работе Рудольфа фон Таддена, в которой он сравнивает формирование национальной идентичности в Германии и Франции, страны, где, леволиберальная общественность вообще протестовала против инициативы правительства провести опрос о национальной идентичности (см.: 22, 2011).

Со ссылкой на Норберта Элиаса (Elias), фон Тадден выделяет следующее различие: в восприятии идентичности «По ту сторону Рейна и Саара культура – это “civilization”, понятие, охватывающее все общественные и жизненные обстоятельства, не отделенные четко от политики. Напротив, немецкое понятие “культура” – по сути аполитичное или, быть может, даже антиполитическое направление мысли, что было симптоматично для элиты немецкого среднего класса, воспринимавшего политику и государство как область их несвободы и унижений, тогда как культура представляла собой область их свободы и их гордости» (127, с. 508). Это восприятие культуры в немецком обществе сохранилось по сей день.

Такой подход, подчеркивает фон Тадден, выводит за рамки дискуссии о формировании идентичности в сторону вопросов, связанных с политической культурой обществ, народов или этнических групп.

Следует отметить, что немцы осмысливают эти проблемы, стараясь их решать в общеевропейском контексте, учитывая опыт других европейских стран. Анализируя этот опыт, российский исследователь И.С. Новоженова пришла к выводу, что в Европе сложилось целых три интеграционных модели включения инокультурных сообществ или групп населения в национальное

общество (21, с. 117). В наиболее характерной форме они представлены во Франции, Великобритании, Германии.

Особенность французской модели – иммигрантов и граждан нефранцузского происхождения не отделяют от остального населения и рассматривают их как составную часть нации.

В Великобритании «политика мультикультурализма имела целью сохранить и поддержать культуры, привезенные иммигрантами из стран их происхождения. В соответствии с идеологией мультикультурализма этнокультурные сообщества должны были стать посредниками и помощниками государства в проведении политики интеграции иммигрантов» (21, с. 123).

В Германии, как отмечалось выше, никакой модели мультикультурализма не сложилось. Было нечто неопределенное, что А. Меркель иронично охарактеризовала как «мульти-культи».

Какой вывод вытекает из подходов германских политиков и ученых к проблеме мультикультурализма и из их стремления по-новому осмыслить принцип формирования идентичности с учетом растущего числа людей, приезжающих из других стран и становящихся гражданами ФРГ? Одна из главных отличительных черт европейской политической культуры – соблюдение прав человека, развитие гражданского общества – побуждает европейских политиков продвигаться именно в этом направлении, соответственно приближаясь к французской модели с ее подчеркнутым принципом гражданства. Немецким политикам в условиях особого отношения к нации, что по-разному выражалось в разные исторические времена, приходится учитывать эти обстоятельства. Разрешением этой проблемы будут заняты в ближайшие годы интеллектуальные и политические круги Германии. Книга кельнского историка О. Данна «Нация и национализм в Германии. 1770–1990», о которой речь шла выше, – одно из проявлений этих интеллектуальных усилий. Применительно к общеевропейской ситуации это будет означать, что немцам, пытающимся сохранять свою национальную идентичность с опорой на исторические и культурные традиции, придется все больше учитывать реальные процессы, происходящие как в их собственной стране, так и во всей Европе, тем более что именно Германия играет одну из ведущих ролей в строительстве объединенной Европы.

НЕМЦЫ В ЕВРОПЕ

Итак, как воспринимают немцы свое отношение к Европе, имея за собой весь груз особенностей и проблем, о которых гово-

рилось выше? И прежде всего с точки зрения сохранения своей страновой идентичности? Когда произошло объединение Германии, мюнхенский ученый Вернер Вайденфельд так охарактеризовал ситуацию: «Объединенная Германия, несомненно, утвердила свое положение среди ведущих государств Европы. Она вместе с ними несет ответственность за успех или провал объединения Европы» (3, с. 256).

Стоит заметить, что за такой констатацией скрывается прежде всего многолетняя деятельность немцев, прежде всего в Западной Германии, направленная на завоевание доверия у соседей – ближних и дальних. Принципиальное осуждение нацистского прошлого, создание демократического политического режима, решительный отказ от военных амбиций и включение в военно-политические структуры НАТО – эти и другие шаги способствовали тому, что немцам удалось выстроить добрососедские отношения и на Западе, прежде всего с французами, и на Востоке, прежде всего с поляками. То есть с народами, отношения с которыми в прошлом носили драматический характер.

По более сложной схеме складывались отношения с русскими и другими народами Советского Союза. Основная линия конфронтации между двумя идеологическими и военно-политическими блоками проходила через разделенную Германию. При этом Западная Германия рассматривалась советской пропагандой как очаг реваншизма, как первый и надежный союзник главного противника – США, а Восточная Германия, напротив, как оплот мира и социализма.

Однако отношения между народами на бытовом, житейском уровне складывались по-иному. Это в первую очередь относится к жителям ГДР, чему я был в определенный отрезок времени непосредственным очевидцем, наблюдая ситуацию как журналист.

Современное поколение жителей России стало свидетелем события исторического масштаба: так сложилось, что веками русские, тесно взаимодействуя с немцами в самых разных областях жизни, испытывали к ним недоверие как к потенциальным агрессорам. Две войны мирового масштаба в последнем столетии, прокатившиеся разрушительным катком по России аж до берегов Волги и предгорий Кавказа, оставили тяжелый след почти в каждой русской семье.

После войны многие не могли привыкнуть к одной только немецкой речи, особенно к военным командам. Для иных образ немца ассоциировался с эсэсовскими офицерами, которых они могли увидеть в кинофильме.

С живыми немцами, а не в кинофильмах, и причем в массовом порядке, советским людям доводилось общаться, принимая гостей из ГДР или приезжая к ним в составе делегаций или в качестве туристов. Так происходило привыкание друг к другу, перешедшее в сотрудничество, а порой даже в дружбу.

Медленнее, но выросло уважение и к западным немцам, которые, не имея ни нефти, ни газа, ни золота, ни алмазов, ухитрились выстроить развитую экономику на высоком технологическом уровне, создать лучшие, чем на Востоке, условия жизни, которые побуждали восточных немцев по возможности уходить на Запад.

Ныне по всем опросам населения России Германия считается одной из самых миролюбивых стран. И это обстоятельство представляется чрезвычайно важным в обеспечении мирового порядка в Европе, где снята угроза потенциального конфликта между двумя самыми многочисленными народами.

После войны немцам удалось решить самую болезненную для себя проблему – выстраивание отношений с народом, который, согласно нацистской версии, подлежал полному физическому уничтожению. Концлагеря с газовыми печами, в которых сжигались сотни тысяч евреев – это, пожалуй, самые мрачные свидетельства в трагической истории Европы.

Немцы не только признали свою вину и в финансовом отношении как-то пытались компенсировать нанесенный ущерб, они создали в самой Германии условия, при которых лица еврейской национальности, покидая СССР, вместо того, чтобы ехать в страну предков, в Израиль, предпочитали поселиться в ФРГ и не только из-за создаваемых для них льгот, но и из желания жить в свободной демократической стране с развитой культурой толерантности. Антисемитизм, это тяжелое наследие практически во всех странах Европы, последовательно преодолевается именно в стране, в которой было сотворено чудовищное деяние, получившее название Холокост.

Проблема выстраивания благожелательных, добрососедских отношений прежде всего с европейскими соседями имела и имеет для Германии первостепенное значение. Показательно, что, когда появились признаки объединения двух Германий, беспокойство в этой связи проявили руководители двух ключевых европейских стран – президент Франции Ф. Миттеран и премьер-министр Великобритании М. Тэтчер. Казалось бы, после последней войны прошло более 40 лет, и ФРГ стала надежным звеном в западной системе, доказала свою приверженность принципам демократии и

установила дружеские отношения с теми же французами и англичанами. Чего тут опасаться! И тем не менее у политиков этих стран возникла озабоченность в связи с появлением на карте Европы «большой Германии».

Это обстоятельство учитывали и в самой Германии. В. Вайденфельд так охарактеризовал ситуацию после объединения: «Интеграция – это для объединенной Германии ключевое понятие как внутри-, так и внешнеполитически. С этим двойным вызовом можно справиться, только имея точно сформулированную, в программном отношении выполнимую, оперативную стратегию» (3, с. 256).

Такая «оперативная стратегия» достаточно наглядно продемонстрирована Германией за прошедшие годы в ее усилиях сохранять и делать более устойчивой валютную зону «евро» как стабильную экономическую основу интеграционного процесса. Многократные усилия по спасению экономики Греции, осуществлявшиеся прежде всего по инициативе Германии, были связаны с существенными затратами за счет национального бюджета ФРГ на что в основном отрицательно реагировали немецкие избиратели. Канцлеру А. Меркель стоило предпринять немало усилий для того, чтобы выделяемые суммы в поддержку финансовой стабильности Греции были одобрены Бундестагом. Политические партии, представленные в германском парламенте, принимая столь непопулярные решения, отдавали себе отчет в том, что речь идет не просто о сохранении Греции в составе ЕС, но о судьбе всего интеграционного процесса, с которым связана политика Германии в Европе.

При этом речь идет не только о финансовой стабильности и дееспособности руководящих органов ЕС, но и о попытках каким-то образом согласовывать представления отдельных стран, входящих в ЕС, по целому ряду вопросов, в том числе и тех, которые затрагивают особенности их идентичности.

Заметим, что эти попытки предпринимаются, как говорится, не с чистого листа. На пространствах нынешней Германии накоплен опыт, уходящий во времена Средневековья. Имеется в виду деятельность Ганзы, этого уникального торгового союза, в какой-то степени прообраза нынешнего ЕС. Вот что пишет об этой организации Й. Шерр в своей «Истории цивилизации Германии»: «Начало Ганзы надо искать во Фландрии. Оттуда же ведет свое начало слово, которое первоначально означало подать, а впоследствии стало обозначать союз, члены которого платили подать для общественных расходов. Фламандская Ганза, средоточием которой был город Брюгге, не возвышалась над положением и значением купе-

ческого союза, между тем как ее германская подражательница достигла обширности и могущества, посредством которых она стала господствовать над скандинавским севером» (33, с. 228). Заметим, что это перевод с немецкого оригинала, осуществленный в 1868 г.

Основанием для гражданского могущества Ганзы, поясняет Шерр, послужил наступательный и оборонительный союз, заключенный между Гамбургом и Любеком в 1241 г., шесть лет спустя к ним присоединился Брауншвейг, а вскоре после того и Бремен. «Любек сделался главным пунктом ганзейского союза, который распространялся на берегах Немецкого и Балтийского морей и вдавался далеко на северо-восток и запад, а также и на юг, в материк Германии» (33, с. 229).

Сформировалась достаточно четкая структура. Раз в три года в Любеке собирались так называемые союзные сеймы. На них были представлены 85 городов, которые со временем вошли в Ганзу. Города были разделены на округа. Каждый из них возглавляли окружные города – Любек, Кёльн, Брауншвейг, Данциг.

Союзный договор, заключенный в Кёльне в 1364 г., предусматривал следующую цель: «Защита и распространение промышленности и торговли на чужбине и на родине (в Лондоне, Брюгге, Бергене и Новгороде были основаны обширные ганзейские конторы и фактории), строгое соблюдение порядка в городах союза, расширение и защита гражданской свободы» (33, с. 229).

Вывод Й. Шерра: «Уже в XIV в. Ганза заняла такое политическое положение, которое по своему фактическому значению, далеко превосходило положение тогдашней германской империи. Союз господствовал над всем севером торговлею и оружием, подчинял себе королей Норвегии, Швеции и Дании, раздавал и отбирал короны» (33, с. 229).

Тот же Й. Шерр сообщает, что «военный флаг Ганзы победоносно развевался на морях и океанах и, точно так же, как она очищала от разбойников и различных нарушителей земского мира границы своей обширной территории, она очищала также и море от пиратов, в особенности же от страшного союза морских разбойников, известного под именем Виталиева братства» (33, с. 229).

Й. Шерр обращает внимание на цивилизующее влияние Ганзы. Она проводила дороги и прокладывала каналы, «а по этим двум отраслям в Средние века не делалось почти ничего». Одним словом, Ганза «держала себя точно так же, как держит себя теперь величайшая торговая нация нашего времени». Такую оценку в середине XIX в. Й. Шерр давал Великобритании.

Одним словом, нынешним европейцам, и особенно немцам, есть на что опереться в строительстве «Большой Европы». Кстати, Бремен и сегодня официально называется «вольным ганзейским городом». А Гамбург как «вольный и ганзейский город». Оба города имеют статус земли со всеми соответствующими правами.

Но как на формирование европейских процессов смотрят современные немецкие историки? Кёльнский ученый О. Данн в своем вышеупомянутом исследовании данной тематике посвящает отдельный раздел: «Немецкая нация в европейском контексте». Он выделяет десять пунктов, в которых рассматривает эту проблематику главным образом в историческом плане.

Ученый подчеркивает, что тесная связь немецкой нации с Райхом имеет европейский характер. До XVII в. на континенте доминировала Священная Римская империя. И поскольку правящую знать Райха представляли немцы, у них были особые притязания в европейском мире. Это влекло за собой определенные последствия, поскольку и современная немецкая нация отождествляет себя с Райхом и его традициями.

Однако, подчеркивает О. Данн, в ходе становления «Национального» (напомним, как существительного, и с большой буквы. – *Б.О.*) особую роль играла Франция, поскольку именно в этой стране была «выдумана» национальная концепция современного государства-общества. Это началось с создания Французского национального государства в позднее Средневековье.

Однако в отличие от Франции, где сформировался тип централистско-унитарного национального государства, специфически немецким типом национального государства стало национально-федеративное государство. При этом, указывает О. Данн, сильно развитая региональность является особым признаком немецкой нации. «Патриотизм в Германии сформировался первоначально как земельный патриотизм» (53, с. 313).

Данн особо подчеркивает: самоуправляемый город, регион, организованный по бюргерскому принципу, малое государство, в котором князь представал скорее как первый гражданин, – таковы были социальные обстоятельства, при которых в современной Германии буржуазное общество конституировалось прежде всего как солидарное общество с ярко выраженным политическим волеизъявлением. «Именно в таких малых “нациях” самоутверждали себя немцы» (53, с. 314).

Данн выделяет главную, с его точки зрения, проблему – проблему определения идентичности – именно в европейском контексте:

будучи одной из ведущих наций в Европе, она (Германия) рано развила национальное чувство, но при этом долгое время не являлась национальным государством. Ее национальные границы не были predeterminedены государственными границами. И в силу этих обстоятельств национально мыслящим немцам пришлось определять свою национальность по другим критериям.

Язык и языковая культура важны в понимании национальной идентичности, поясняет историк, но они не позволяют формулировать ответ в политическом плане. В революции 1848 г. впервые были уточнены политические аспекты дилеммы **народной нации** и **государственной нации**. Тогда было определено, что немецкое национальное государство возможно лишь на основе этнически ограниченной государственной нации.

О. Данн обращает внимание на то, что позиция немецкой нации в рамках национальных государств Европы всегда была связана с проблемами. «Образование немецкого Райха в 1871 г. не представляло собой гарантированную защищенность из-за включения в международную систему государств. Оно происходило в фазе начинающего империалистического антагонизма европейских государств и организуемого национализма» (53, с. 315).

Кёльнский профессор заключает этот раздел следующим высказыванием: «Из-за Гитлера и инсценируемого им убийства народов международная дискриминация немецкого имени была столь глубокой, что и после Второй мировой войны немцам пришлось долгое время жить в тени народно-национального (volksnational) национализма» (53, с. 317). После 1945 г. европейское развитие пошло под знаком преодоления этого обстоятельства.

Как уже указывалось выше, это время пришло, причем при активной деятельности самих немецких политиков. И сегодня, все громче раздаются голоса тех, кто призывает к коренной переоценке роли немцев в Европе и в европейской стратегии как таковой и, следовательно, к переосмыслению своей идентичности. Один из самых активных представителей этой позиции Ульрих Бек, публицист, политический философ, суждения которого, как правило, становятся предметом дискуссии в обществе. Это касается и его книги «Космополитическое мировоззрение», переведенной в 2008 г. на русский язык (1). Суть его позиции, расходящейся с распространенным мнением, сформулирована достаточно категорично: «Национальный реализм стал ложным, это иллюзия, заведшая наши мысли, действия и исследования в Европе и о Европе в безнадеж-

ный тупик». И далее пояснение: «Только внеантропологическая, антионтологическая, полностью открытая и процедурно четкая (т.е. политически прагматичная) модель гуманитарных и культурных отношений заслуживает наименования “европейская”» (1, с. 243).

Попутно У. Бек критикует политическую теорию Карла Шмитта, полагавшего, что для сохранения собственной культурной идентичности нужно исключить всех, у кого иная культура. «Если вы не желаете расставаться с иллюзией, будто между европейским и мусульманскими мирами возможны четкие границы, – замечает У. Бек, обращаясь к предполагаемым оппонентам, – то Европейскому союзу следует выдать монополию на “европейскость”, проигнорировав взаимопересекающиеся сферы идентичности, порождаемые Европой, трансатлантическим сообществом и НАТО... В условиях XXI века больше нет замкнутого пространства, называемого “христианский Запад”» (1, с. 246).

У. Бек разъясняет свою позицию: «Космополитичность Европы состоит в регулярной переоценке собственного пути... Мы движемся по пути от Просвещения через постмодернити к космополитической модернити... Космополитическая Европа порывает с собственной историей и в ней же черпает силу» (1, с. 253).

Отталкиваясь от такого представления о будущем Европы, У. Бек высказывает свое отношение к другим проектам: «Национальное мировоззрение не только искажает европейскую действительность и будущее. Оно дает лишь два способа интерпретации европейской политики и интеграции: в терминах либо федеративного государства (федерация), либо конфедерации (международный подход). Обе модели неверны... Национальная “Большая Европа” – федеративное сверхгосударство, предполагает лишение европейских наций полномочий и их отправки в музей; национальные государства в рамках конфедерации, напротив, ревностно защищают свой суверенитет от поползновений общеевропейской власти» (1, с. 254).

У. Бек вновь разъясняет свою позицию: «Главная гипотеза космополитической европейской конфедерации состоит в том, что с межнациональными (гражданскими) войнами можно совладать, отделив государство от нации. Так же как нерелигиозное государство допускает свободу совести для своих граждан, космополитическая Европа должна поддерживать сосуществование этнических, национальных, религиозных и политических идентичностей и культур, невзирая на национальные границы, опираясь на конституционный принцип терпимости» (1, с. 255).

У. Бек выступает и против мультикультурности. «Различие между мультикультурализмом и космополитизмом крайне существенно». При этом Бек ссылается на практику США. «Для американского мультикультурализма была изобретена весьма удачная метафора “плавильного тигля”... С самого начала США стремились не к космополитической модели национальных различий, а к национальному государству, торжественно обещающему их преодолевать. Предполагалось, что мировые культуры, этносы и религии, которых приютила Америка, сольются и растворятся в национальном пафосе... В Европе американский путь национального мультикультурализма исключен не только по историческим, но и, причем даже в большей степени, логическим причинам. Реальность наличия множества наций нельзя заменить единой большой нацией. Европа может реализоваться **только** в космополитическом единстве признания и примирения многих национальных и религиозных историй – иного не дано» (1, с. 260–261).

Между тем У. Бек признает, что у его подхода мало сторонников. «Пока Европу парализует то, что ее интеллектуальные элиты живут в национальной лжи. Они жалуются на безликую евробюрократию и дефицит демократии, исходя из совершенно нереалистического предположения, будто возможен возврат к идиллии национального государства... Такого рода интеллектуальный протекционизм, самообман, замешанный на ностальгии, царит не только в убогих анклавах европейского правового популизма. Он возобладал – преодолев раскол на правых и левых – даже в наиболее образованных и высококультурных кругах» (1, с. 257–258).

Такая вот жесткая оценка отношения мыслящей части общества – прежде всего в Германии – к идее национального государства.

Но У. Бек не одинок. Его позиция подтверждается новейшими исследованиями. В первую очередь в рамках Института европейской этнологии. Речь идет о работе мюнхенского историка, профессора этнологии Ирены Гётц, вышедшей в 2011 г. Примечательно название работы «Немецкие идентичности». И подзаголовок «Открытие заново Национального после 1989 г.» (67).

Еще раз напомним, что сам термин «Национальное» расплывчат. Под ним можно подразумевать разное. Написан он в книге с большой буквы. Выше уже пояснялось, что это не просто прилагательное, а понятие со своими особенностями.

Название одного из параграфов раскрывает направление исследований И. Гётц: «Конец национального государства в Европе – конец национальных идентичностей?»

Гётц исходит из того, что Европа находится в процессе перемен – от времени Первого модерна ко Второму модерну. В чем суть перемен? «Время “Первого модерна” (Erste Moderne) исходило из представлений о возможности контролировать институты этого периода, обеспечивать их устойчивость и безопасность. Во время “Второго модерна” с его новым вариантом капитализма, глобальным порядком и новым типом государства установить нечто подобное уже нельзя» (67, с. 71).

При новых обстоятельствах возникают новые разновидности идентичности, новым смыслом наполняется понятие «Национальное». И. Гётц полагает, что происходит возвращение к «нации, опирающейся на культурные традиции». Именно так предоставляется возможным перевести на русский язык приведенное ею понятие «Kulturnation». И. Гётц подробно разбирает особенности праздника, посвященного Дню немецкого единства, который проходил в 2008 г. в Гамбурге, усматривая в нем признаки именно такого культурного подхода.

Поскольку обращение к понятию «Нация культурных традиций» (Kulturnation) становится все более частым в интеллектуальной среде ФРГ, остановимся на нем подробнее. Напомним ситуацию, которая возникла в Германии на рубеже XVIII–XIX вв. Страна раздроблена на множество самостоятельных курфюршеств, герцогств, свободных городов, рыцарских владений. Князей вполне устраивает существование под крышей Райха. Между тем в обществе нарастает стремление к единению. И это стремление находит выражение на культурном уровне – в литературе, музыке, живописи. Гёте, Шиллер, Лессинг, Бетховен – эти и другие деятели культуры стали символами стремления к единой нации. «Германия превыше всего» – строки, рожденные в ходе этого процесса и ставшие затем гимном Германии, первоначально означали германскую цивилизацию как высшую ценность, вдохновлявшую участников движения за единую Германию.

Добиться цели удалось лишь в 1871 г., но это уже была другая Германия – Германия милитаристских традиций и великодержавных амбиций, Германия колониальных устремлений и националистических претензий, которые нашли конечное выражение в стремлении нацистов создать «Третий Райх». От первоначальных идей «Kulturnation» практически ничего не осталось. И произнося строку гимна «Германия превыше всего» во времена уже единой страны, немцы в своем большинстве подразумевали совсем иное.

Заметим, что стремление вернуть понятию «Нация культурных традиций» прежний первоначальный смысл последовательно прослеживается в работах германских этнологов. Вот и в книге И. Гётц, в которой рассматриваются проявления Национального в общественной и личной жизни немцев, обращается внимание на такие явления, как «рениационализация культуры», «трансформация национализма», появление «новых немцев», «новое национальное самосознание», «постнациональное видение будущего».

Один из главных выводов И. Гётц: существует не одна, а много идентичностей; формирование идентичности происходит в форме диалога. И задача европейской этнологии – исследовать этот процесс.

Между тем осмысление на научном уровне характера участия немцев в европейском процессе наблюдается и в других работах. Одна из них – книга Вольфганга Шмале «История и будущее европейской идентичности» (118-а). С типичной немецкой последовательностью разбираются проблемы исследования, уточняется, что понимать под идентичностью.

Во втором разделе рассматривается история европейской идентичности до 1945 г., в третьем – европейская идентичность после 1945 г., в четвертом – будущее европейской идентичности. Одним словом, получилась малая энциклопедия европейской идентичности. Но под немецким углом зрения.

В. Шмале во введении пишет, что при рассмотрении данной тематики он опирался также на личные впечатления. По личным и профессиональным причинам (В. Шмале – автор «Истории Европы») он проживал в Австрии, Германии и Франции. «До своих учебных занятий в Бордо я никогда не задавал себе вопрос о моей национальной идентичности. В Евробарометре, отвечая на вопрос, я относил себя к группе “только – европейцев”. То, что я “немец”, я “познал” во Франции – в большинстве случаев дружелюбно, иногда враждебно» (118-а, с. 10).

В. Шмале исходит из того, что процесс глобализации влечет за собой усиление взаимосвязей во всех областях. Отсюда его термин «европейский демос». Упомянув, что его книга о европейской идентичности представляет собой первое развернутое исследование по данной тематике, В. Шмале не собирался, как он сам подчеркивает, только пополнять ею многочисленную литературу, в которой затрагивается эта проблема. Для него было важным выявление взаимосвязи между историческим подходом и субъективными ощущениями как гражданина.

Итак, мы видим, что осмысливая особенности формирования идентичности на страновом уровне, а также на европейском, немецкие исследователи по-разному оценивают этот процесс. И если одни исследователи призывают к радикальному переходу от национального к космополитическому, то другие полагают, что время национального государства не прошло и что понимание происходящего в рамках концепции «нации культурных традиций» как бы прокладывает мостик между этнокультурными и культурно-космополитическими представлениями, открывая тем самым возможности для формирования общеевропейской общности, в том числе и для представителей других культур и религий.

Но как на это реагируют немцы в их повседневной жизни? Как воспринимают себя, выражая свою позицию на политическом уровне?

БЫТЬ НЕМЦЕМ ИЛИ ПРОСТО ГРАЖДАНИНОМ ГЕРМАНИИ?

Пока ученые разных специальностей и политики разных направлений продолжают спорить о том, что такое идентичность и что с нею делать, в Германии в 2009 г. вышло своеобразное издание под названием: «МЫ. Всё, что следует знать о нас, немцах» (75).

Это что-то вроде справочника, где исторические данные с момента деятельности первых германских племен перемежаются с самыми разными сведениями о знаменитых немцах, общественном устройстве, о культуре, науке, спорте, о религии, привычках, наклонностях и т.д.

С немецкой педантичностью подсчитано, сколько немцев путешествуют, куда; сколько умирают и от каких болезней и т.д. Сообщается, какие позы в процентах занимают партнеры в интимных ситуациях. В конце даются «Ненужные сведения о Германии». К примеру, Отто фон Бисмарк принимал участие в 25 дуэлях; в Баварии Основной закон до сих пор не ратифицирован; за 41 год существования ГДР здесь не произошло ни одного ограбления банка и т.д.

Совокупность этих сведений – серьезных и не очень серьезных – дает представление о немцах во всем разнообразии их привычек.

При этом отсутствуют сведения об отношении немцев к другим народам; нет данных о Холокосте, о сущности нацистского режима. Об их политических пристрастиях. Словом, соблюдены

правила политкорректности. Вместе с тем в этом издании воспроизведены объективные данные о немцах как исторически сложившейся общности со своими особенностями.

Можно предположить, что знакомство со справочником «МЫ» вполне удовлетворит читателя, желающего получить самое общее представление о немцах. Но он не найдет в сборнике развернутого объяснения, кого все-таки считать немцем и какую роль играет при этом этническая принадлежность, какую – историко-культурная.

В этом продолжают разбираться ученые. Исследователь Енс Шнайдер поставил перед собой именно эту задачу – проанализировать, как проблема немецкой идентичности затрагивается различными общественными и политическими организациями на страницах печати. Результаты своих наблюдений он изложил в книге с развернутым названием: «Быть немцем. Свое, чужое и прошлое, нашедшие отражение в объединенной Германии» (123).

В первом разделе автор рассматривает вопросы теории, касающейся таких понятий, как нация и национализм, идентичность, поколения, дискурс, воображаемое и действительность.

Исходная позиция Шнайдера такова. Ответы на вопрос: «Что такое немецкость» (Deutschtum) в Германии, как правило, ищут в истории или в статистике. Проблема, однако, в том, что при таком подходе происходит идеализация исторических процессов и формирование усредненных типов и не исследуются «реальные» индивиды. При этом остается не ясным, почему всякого рода отклонения тем не менее тоже являются «немецкими». Почему так происходит? Объяснение самого Шнайдера: «Вопрос относительно механизмов возникновения немецкой идентичности носит культурно-антропологический характер, поскольку исследуются глубинные процессы формирования групп и конструкции культурных или “этнических” различий. Между тем этнологический подход к изучению “немцев” все еще не является типичным. С этнологической точки зрения Германия куда меньше исследована, чем ее географические, демографические и экономические позиции в Европе» (123, с. 13).

Как видим, Шнайдер придает значение этнологическому подходу при осмыслении проблем идентичности. Уточним, что такое этнология в современном толковании. В «Культурной энциклопедии», вышедшей под редакцией С.Я. Левит в 2007 г., помещена статья, автор которой А.А. Матусовский касается также ситуации с этнологией в Германии. Он, в частности, пишет: «Бла-

годаря работе этнологов в современном немецком обществе формируется сознание важности познания чужеродных культурных явлений для полноценного развития собственной культурной формации. К рубежу 90-х годов XX века в немецкой этнологии назревает необходимость развития исследовательских приемов историзации и контекстуализации локальных культур в мировом масштабе...»

«Наиболее радикальные представители этнологии – поясняет далее автор, – такие как Г. Элверт, проповедуют отказ от заострения внимания на терминах “национализм”, “этничность”, “этнос” и осуществляют переход к изучению взаимодействия системы: “Wir – Gruppen – Prozesse” (“Мы – группы – процессы”), к анализу коммуникационных отношений “неэтнического” порядка» (17, с. 1128).

Е. Шнайдер более критически, чем российский автор, относится к ситуации, сложившейся в Германии с разработкой этнологических подходов. «Наиболее важные этнологические исследования последних лет, посвященные Германии, появились за границей и почти не привлекли к себе внимания в Федеративной Республике» (123, с. 14). Точно так же этнологические исследования, посвященные «немцам», в медиальной среде ФРГ, с его точки зрения, воспринимаются, как правило, только в сатирической форме.

Представленное в своей книге «Быть немцем» эмпирическое исследование Е. Шнайдер характеризует как этнологический эксперимент, в котором проблема «немцев» рассматривается с разных точек зрения, извне и изнутри. Все это должно, по его мнению, помочь ответу на вопрос, что в конце концов представляет собой «идентичность немцев».

Особое внимание Е. Шнайдер придает анализу интервью, которые в течение его 20-месячного пребывания в Берлине он брал у журналистов, политиков, деятелей культуры, родившихся в определенный отрезок времени – с 1957 до 1970 г.

Обобщая результаты проведенных опросов, Шнайдер выделяет различные типы идентичности: идентичность индивида; групповая идентичность; национальная идентичность; идентичность нации.

«Национальная идентичность, – поясняет Шнайдер, – прежде всего связана с идеей нации, и в меньшей степени с конкретными границами, ландшафтом, людьми или с политической системой» (123, с. 39).

Между тем, замечает далее Шнайдер, при описании конструкции нации, центральную роль играет язык. Он является глав-

ным признаком в модели этнической нации и преимущественным инструментом при формировании политической нации.

Завершает теоретическую часть своей книги Е. Шнайдер следующим выводом: «На основной вопрос: “Что такое немецкость” (Deutschtum) нельзя дать онтологический ответ. Каковы “немцы” **на самом деле**, эмпирически трудно установить, поскольку специфического и исключительно немецкого не может быть. **Быть** немцем следует понимать как **процесс** или акт “обобщения” индивидов в рамках национального государства Федеративной Республики Германии» (123, с. 55).

И еще один вывод немецкого исследователя: идентичность содержит в себе устойчивые, корневые признаки, но вместе с тем что-то постоянно меняется. В оценках, даваемых изнутри и извне. Причем представителями разных поколений.

Продолжая рассматривать эту тему, отметим далее: идентичность народа, его отдельных индивидов, раскрывается и в том, как представители этого народа относятся к соседям. Выше было сказано о принципиально новых отношениях, сложившихся между немцами на Западе, прежде всего с французами, и на Востоке, в первую очередь с поляками.

При этом особое место в этих отношениях занимают русские, Россия, если иметь в виду характер этих отношений, которые складывались столетиями в разных областях и которые носили зачастую драматический характер.

Что думают об этом сегодня немцы? Не только те, кого можно опрашивать на улице и в других местах, выявляя среднестатистическое мнение. Но те, кто следит за процессами в России годами, анализирует, размышляет.

Разобраться во всем этом попытался известный российский социолог А.Г. Здравомыслов. В 2000 г. он приехал в Германию и тщательнейшим образом расспросил ученых, проживающих главным образом в Берлине, Кёльне и Бильфельде, по ключевым вопросам российско-германских отношений. Результаты исследований опубликованы в книге «Немцы о русских на пороге нового тысячелетия» (7).

Приведем некоторые из суждений.

Клаус Зегберс, профессор Института Восточной Европы Свободного университета в Берлине:

«Надо сказать, что внимание, которое уделяется России, стремительно падает, особенно если сравнивать с тем, что было 10 или 15 лет назад, во времена перестройки Горбачёва, во время

путча и т.д. Сегодня мало кто на самом деле действительно занимается Россией, за исключением пары экспертов» (7, с. 369).

Тигго Эйхлер, жительница Берлина:

«Немец – так, как он представлен в литературе, и всем это как бы известно – на него можно положиться! Он и пунктуален, и сделает, что обещает, если он сможет!..

А русский – не так! Он, конечно, может и поработать совсем по-другому, но на самом деле он обычно не любит работать. Это такая общая установка, это, как говорят, стереотип немецкого взгляда на русских! (7, с. 377).

Профессор Эрхард Штёлтинг, Берлин:

«Отстранение от Германии и чувство принадлежности к международному сообществу дополняют друг друга. Например, если спросить студентов: “Что значит быть немцем? Что такое Германия?” – ответ будет скорее негативный. Примерно в таком духе: “Мы не немцы, а европейцы”, “нас это не интересует”, “мы самостоятельные личности”. Немецкая молодежь хочет быть похожей на французов или англичан, но особенно на американцев» (7, с. 415).

Профессор Гумбольдтского университета в Берлине Ивонна Шютце:

«А что касается немцев, то я думаю примерно так: “Слава богу, что в сознании людей не много национального”. И немцы сейчас не очень-то гордятся тем, что они немцы, как это было при нацизме или даже раньше!

Я думаю, что очень многие вовсе не гордятся тем, что они принадлежат к этой нации. В каком-то смысле я не горжусь, что я немка. Я никогда не сказала бы, что я не немка, но я не вижу оснований этим гордиться» (7, с. 416).

Профессор Петер Шульце, Фонд Фр. Эберта:

«В Германии мы теперь очень редко используем понятие нации... Мы употребляем понятие “русские и немцы” вне связи с понятием нации. Мы говорим о евреях, русских, американцах, южноамериканцах, итальянцах. Но это не о русской нации, не об итальянской нации, не об американской нации. Это, скорее, географическое, политическое, экономическое понятие» (7, с. 417).

Профессор Эрих Хаан, Берлин:

«Нация – это определенная ценность. Я не отношусь к нигилистам! Я не могу сказать, что нация не имеет для меня смысла. Я имею в виду, что обсуждение вопроса о нации имеет смысл. Для меня самого нация есть прежде всего культурный и исторический феномен. Я имею в виду, что экономическая основа нации, ее

фундамент – это процесс... Я имею в виду, что для более или менее длительного периода политическое существование наций необходимо. Я не вижу никаких шансов для существования мирного государства» (7, с. 422–423).

Ну и, наконец, пора коснуться вопроса о политических пристрастиях жителей ФРГ. Вопрос этот сложный, требует особого рассмотрения. Мы же коснемся политической идентичности немцев, т.е. приверженности к политическим партиям, ориентирующимся на определенные ценностные установки.

В Германии людей, принимающих участие в голосовании, условно делят на сторонников правого и левого лагеря. К правым, как правило, относят христианских демократов, либералов, консерваторов, сторонников националистических группировок, к левым – социал-демократов, приверженцев партий Левая, Зеленые. Но значительная часть избирателей, руководствуясь самыми общими демократическими ценностями, лишь в последний момент в ходе голосования, решает, кому отдать предпочтение, ориентируясь при этом на целый ряд обстоятельств – личностный фактор, общая обстановка в стране и в мире. Возникают ситуации, когда на федеральном уровне две крупнейшие партии – ХДС / ХСС и СДПГ – идут на создание так называемой «большой коалиции». Так было в 1966–1969 гг., так повторилось в 2005–2009 гг.

При этом в политической жизни последнего времени все больше прослеживаются «феминистские тенденции». Более того, в стране исторически сложившегося политического мужского начала канцлером ФРГ была избрана женщина – Ангела Меркель. Она возглавила сначала «большую коалицию» с СДПГ в 2005 г., а затем коалицию с либералами в 2009 г. Причем путь на вершину политической власти Меркель проделала без какой-либо поддержки со стороны. Родилась в ГДР в семье священника. Училась в университете, приобщалась к политической деятельности, после объединения стала постепенно завоевывать позиции в, казалось бы, неприступной политической цитадели Гельмута Коля, 16 лет без перерыва правившего страной (1982–1998), стала председателем ХДС и, наконец, была избрана главой правительства. Так что А. Меркель – классический пример «женщины, сделавшей самую себя».

Политическая жизнь ФРГ продолжает бурлить под влиянием новых факторов, прежде всего под влиянием Интернета, и при этом обнаруживаются новые, весьма любопытные явления. В 2005 г. немецкий Фонд имени Джорджа Маршалла – фонд, созданный в 1972 г. по инициативе ФРГ в память о послевоенной помощи в

восстановлении Западной Германии («план Маршалла»), провел очередное ежегодное исследование (были опрошены 11 тыс. человек в девяти странах ЕС, в США и Турции), которое позволило сделать ряд выводов.

Вот один из них: «По принципиальным вопросам, которые в других местах, будь то Америка или Европа, приводят к расколу на два лагеря, в Германии царят мир и согласие. 4/5 всех респондентов положительно или очень положительно относятся к ООН (среднее значение по германской выборке в целом 81%. Среди консервативных избирателей – 78, среди левых – 89%). Аналогичным образом обстоят дела с отношением к ЕС в целом: 86% хотят видеть Евросоюз сильным, при этом среди консерваторов таковых – 83%, среди левых – 89%. Более половины немцев (57%) хотят, чтобы Европа в будущем действовала бы более независимо от США» (34, с. 20).

Эти данные приводит в своей статье Констанце Штельценмюллер – руководитель берлинского бюро Фонда.

Не менее любопытно и другое обстоятельство – наличие при этом серьезных расхождений среди различных поколений немцев. Так, если среди представителей старших поколений ведущую роль США в мире не принимает 60%, то в возрастной группе 25–34-летних таковых уже 65%, а в группе 18–24-летних – 68%. Штельценмюллер при этом подчеркивает: «Эмоциональное дистанцирование молодого поколения от Америки никоим образом не исключает сближения с супердержавой и ее образом мыслей» (34, с. 23).

Еще одно наблюдение – «Бросается в глаза прагматизм немцев, когда на кону стоит бизнес. В восьми из одиннадцати стран, где проводился опрос, абсолютное или подавляющее большинство полагает, что отношения с Китаем нельзя поддерживать в ущерб правам человека. Германия, напротив, вместе с Великобританией, Словакией и Турцией образует лагерь тех, кто иногда готов смотреть сквозь пальцы на нарушения прав человека» (34, с. 24).

И вывод Штельценмюллер: «Лишь по одному единственному вопросу немцы образуют отдельную группу, стоящую особняком по сравнению с респондентами из других стран. Среди опрошенных американцев 71% полагает, что в ходе ближайшего десятилетия международный терроризм может их затронуть лично. 51% европейцев разделяет эту озабоченность, но среди немцев таковых только 39%. Другими словами, почти две трети живут в своего рода параллельном универсуме, считая, что обладают иммунитетом в отношении этой угрозы» (34, с. 24).

Данные опроса были опубликованы 7 сентября 2005 г. Перед немцами стоял исторический по значению вопрос: можно ли доверить управление страной женщине. Как мы знаем, доверили. С 2005 г. началось канцлерство Ангелы Меркель, которое продолжается по сей день.

И лишь очередные выборы в Бундестаг осенью 2013 г. покажут, сохранит ли она поддержку избирателей или возникнет принципиально новая ситуация, связанная с поведением избирателей, в частности, тесно связанных с Интернетом, и с появлением в этой связи Пиратской партии, громко заявившей о себе в 2011 г. на выборах в берлинский парламент (почти 9% голосов).

Этот успех Пиратская партия повторила на выборах в 2012 г. еще в трех землях, преодолев 5%-ный барьер. Партию поддерживают сторонники так называемого интернет-сообщества, требующие свободы действий в сетевом пространстве. Можно сказать, что на наших глазах формируется новое явление – сетевая демократия. Как к этому относиться – одна из главных забот современных немецких, и не только немецких, политиков.

Обобщая всю совокупность суждений о современном немце, мы возвращаемся к, пожалуй, наиболее сложной теме немецкой идентичности – восприятия немцами сегодня себя как нации.

Тень нацистского прошлого с его идеологией расового превосходства вынуждает немецких политиков и ученых крайне осторожно обращаться к национальной проблематике. Примечательно, что в качестве путеводной вдохновляющей идеи такими интеллектуальными авторитетами как философ Юрген Хабермас предлагается **конституционный патриотизм**, а не национальный.

Часто упоминаемое в данной работе исследование кельнского историка Отто Данна, опубликованное по горячим следам объединения, интересно именно тем, что в нем содержится попытка несколько по-иному подойти к данной тематике. Он пишет: «С 1990 года мы все же живем в национальном государстве, и все свидетельствует о том, что мы абсолютно разучились воспринимать наше общество как нацию. Мы даже исходим из того, что национальное и европейское мышление исключают друг друга» (53, с. 9).

Призывая к тому, чтобы было достигнуто взаимопонимание относительно основополагающих понятий, сам Данн так излагает свою точку зрения – это политическая модель демократически устроенного общества. При этом: «Для построения социально справедливого и солидарного общества до сегодняшнего дня нация оправдала себя как приемлемая модель» (53, с. 10).

Примечательно, что в соседней Франции в умеренно левых кругах распространено мнение, что выяснение сути идентичности лишь способствует распространению националистических настроений. Это особенно наглядно проявилось, когда было создано Министерство иммиграции, которое провело в ноябре 2009 – январе 2010 г. общественную дискуссию по проблеме национальной идентичности.

Протест был направлен против создания самого министерства. Причем протестовали не просто люди с улицы. Протестовали ученые – специалисты по иммиграции, заявив о выходе из Ученого совета Национального музея истории иммиграции. Их аргумент – не государству определять, что такое идентичность.

На этом дело не закончилось. Протест против создания министерства опубликовали 200 университетских преподавателей в еженедельнике «Либерасьон». Протестовали политические партии, профсоюзы, всякого рода общественные организации. (Подробнее см.: 22.) Один из главных аргументов протестующих: у Республики нет предписанной, застывшей и законченной идентичности, а есть только политические, живые и открытые принципы.

Ряд специалистов-историков, социологов, политологов, объединившихся в группу «За настоящую дискуссию», так обосновали свою позицию: «Идентичность состоит как из долговременных элементов, так и из новых страт, а история в своем постоянном развитии постоянно перемешивает идентичности, чтобы создать новые» (22, с. 130).

Эти суждения вполне применимы к Германии с одной поправкой – существенное различие исторических обстоятельств, при которых формировались нации в этих двух странах, что, кстати, достаточно наглядно показано в работе кёльнского историка О. Данна.

Значит ли это, что совокупность проблем, существующих ныне в Германии и рассмотренных в нашем обзоре, не позволяет ставить вопрос об общенациональной идентичности? На этот вопрос предстоит искать ответ самим немцам. Или всем гражданам Германии, что в таком случае заставляет по-иному взглянуть на само понятие «немецкая идентичность».

ПРАГМАТИЗМ И ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА

Как видим, анализировать особенности национальной идентичности немцев достаточно сложно. Осмысление исторического прошлого; попытка «сращивания» немцев, проживших более

40 лет в странах с разным политическим строем; стремление сохранить региональную идентичность; возрастающее число иммигрантов с иной ценностной культурой; налаживание принципиально новых отношений с соседями, против которых совсем недавно велась война не на жизнь, а на смерть; активное участие в европейских интеграционных процессах – возможно ли все эти факторы соединить в нечто целостное и назвать немецкой идентичностью с учетом реакции на все происходящее со стороны отдельного конкретного немца?

Могут ли немцы проделать то же самое, что осуществили французы, проведя поздней осенью 2009 г. и в январе 2010 г. дискуссию по национальной идентичности с двумя ключевыми вопросами: «Что значит в наши дни быть французом?» и «Каков вклад иммигрантов в национальную идентичность?» Вопросы обсуждались во всех 96 департаментах и 342 округах метрополии. (Подробнее см.: 22, 2011.)

Речь идет не об организационной стороне проведения такой дискуссии и не о ее масштабах, но о сложности затрагиваемой тематики, прежде всего связанной с преодолением прошлого, на которое каждое новое поколение немцев ищет свой ответ.

По этой теме сразу же после объединения в 1990 г. высказался уже знакомый нам мюнхенский исследователь Вернер Вайденфельд. «Что же думают о себе сами немцы? – задается вопросом ученый. – Ответ на этот вопрос, по его мнению, однозначен: **немцы стали прагматичной нацией**» (3, с. 257). И далее ученый поясняет: «Немцы на Западе и Востоке располагают стабильной сетью ориентиров. Большое значение придается таким традиционным ценностям, как порядок, чистота, трудолюбие, экономическая целеустремленность... Демократия для западных немцев не только форма правления, но и образ жизни. Они выступают убежденно, но без особого пристрастия к своей стабильной политической системе. Они положительно относятся как к экономическому патриотизму, так и к патриотизму конституционному» (3, с. 257).

С момента публикации этой статьи, в которой уже в самом названии обозначена такая важная тема, как «морально-политическое будущее объединенной Германии», прошло более десяти лет, и за это время мало что изменилось в поведении немцев, в тех характеристиках, которые дал своим соотечественникам мюнхенский ученый.

Однако ход жизни и наблюдение со стороны позволяют задавать вопросы относительно такой характеристики, как прагматич-

ность немцев. Что понимать под нею? Известно, какой отклик в Европе нашла картина российского режиссера Александра Сокурова «Фауст». Она получила ряд престижных премий. Но вот журналист популярной московской газеты в феврале 2012 г. задает режиссеру вопрос, почему фильм «Фауст» возник не в Германии, не на немецкой почве? Ответ Александра Сокурова: «Это я сам спрашивал у немецких журналистов: ваши-то где? Ответа нет. Да, бывает такое, что европейцы начинают глохнуть то на одно ухо, то на оба, когда речь заходит о фундаментальных явлениях. Большого интереса к национальной литературе я не вижу. Гуманитарная составляющая стала скукоженной. И если немцы потеряют связь со своей культурой, это, бесспорно отразится на качестве жизни, они не смогут поддерживать свое государство – лучшее в Старом Свете» (32).

А. Сокуров – режиссер особого исторического формата. Его интересует психология, поведение личностей, поставленных на самые высокие посты и распоряжающихся судьбами миллионов людей. Фильмы о японском императоре Хирохито, Ленине, Гитлере, а теперь вот проблема добра и зла в фильме «Фауст». Примечательно, что человек, крайне озабоченный судьбами России, ее культурой, ее будущим, обратился к немецкой классике, отдав сотворению фильма полжизни, более 30 лет.

А. Сокуров высоко отзывается о Германии как хорошо функционирующем государстве и вместе с тем, как мы видим, подвергает резкой критике отношение немцев к современной культуре.

Кстати, по этому поводу историк Хаген Шульце выразился даже более эмоционально: «При ретроспективном взгляде ошеломляет, насколько бессильными и эпигонскими предстают культурные явления Федеративной Республики по сравнению с Веймарской республикой» (35, с. 215).

Можно, конечно, сказать, что такова участь всех устойчивых стран, живущих размеренной жизнью и не ставящих перед собой вопросы вселенского бытия. Тем более в условиях, когда творческий поиск в разных областях искусства зажат самодисциплиной ограничений, связанных с недавним прошлым. Так или иначе, в художественном плане это недавнее прошлое по существу не раскрыто.

В любом случае, хотя бы этого немцы или нет, от нации, подарившей миру Гёте, Бетховена и Канта, невольно ждут дальнейших творческих проявлений общечеловеческого масштаба.

Но не только от них. В середине 90-х годов теперь уже прошлого века на одной из конференций, кажется в Кёльне, на кото-

рой обсуждались проблемы становления демократии в России, после моего выступления ко мне подошла дама – известный немецкий публицист – и сказала: «Я вот о чем подумала. Если вы, русские, будете подражать нам во всем, вы будете для нас неинтересны».

Я запомнил это суждение, и вот теперь приходится говорить нечто подобное в адрес немецких коллег. И упреки режиссера Сокурова совершенно оправданны. Если попросить российского старшеклассника или студента, интересующегося гуманитарной проблематикой, назвать фамилии выдающихся современных немецких поэтов, художников, писателей или философов, боюсь, что они окажутся в сильном затруднении. Разве что вспомнят писателя Гюнтера Грасса или философа Юргена Хабермаса.

Вообще-то такой культурный спад наблюдается не только в Германии. Эпоху «властителей дум» в разных областях культурной и духовной жизни заменила эпоха компьютера и его пользователей. Наступило время массового самоутверждения, нового явления, получившего название «краудсорсинг». Однако история последних столетий показывала, что в немецком обществе постоянно присутствовала потребность в духовном осмыслении своего бытия, что находило отражение в формировании разного рода умозрительных концепций, которые оказывали затем влияние на окружающий мир, в том числе и на Россию. Можно, конечно, предположить, что с этой традицией покончено, что Германия отныне и в самом деле превратилась в страну голого прагматизма. Но будет ли это означать, что немцы «завязали» со своим интеллектуальным, творческим прошлым, и что это хорошо для соседей – ближних и дальних. Чего ожидать в будущем от страны, которую когда-то считали страной поэтов и философов?

Справедливости ради отметим, что проблема духовной стороны жизни общества находится в поле зрения политических кругов и общественности Германии. В 2005 г. федеральный президент ФРГ Хорст Кёлер во время своей инаугурационной речи сказал, что Германия является страной идей, поощряющей эксперименты и любознательность. С 3 октября 2005 г. в День немецкого единства началась реализация проекта «Добро пожаловать в Германию – страну идей». Последовали и другие проекты, стали проводиться ежегодные конкурсы (20).

Конечно, духовная жизнь развивается по более сложной схеме и почти не поддается программированию. Тем более при активном участии государства. Но проблема обозначена. К ней привлечено внимание.

Будем при этом иметь в виду, что современный немецкий прагматизм обусловлен демократическими принципами, закрепленными в Основном законе, которые в свою очередь исходят из ценностных установок, рожденных всем предшествующим развитием. А в каждый конкретный момент этот прагматизм отражает настроения тех социальных и иных общественных групп, которые реализуют свои интересы и настроения через политические партии, добивающиеся успеха на выборах, и получающие вследствие этого возможность приходить к рычагам власти на разных уровнях.

Один из самых наглядных примеров – отношение немецкого общества к атомной энергетике. После аварии на атомной электростанции Фукусима в Японии принято окончательное решение о закрытии существующих атомных электростанций.

Казалось бы, здравый смысл и тот же прагматический подход говорят в пользу сохранения ныне существующей энергетической ситуации. Но у большинства жителей ФРГ оказались другие соображения на этот счет, и ведущим политикам пришлось приниматься за реализацию «энергетического поворота».

Примечательно, как немцы подходят к решению непростой для них проблемы. Вот как описывает ситуацию Гюнтер Бахман – генеральный секретарь Совета по устойчивому развитию.

Уже после аварии в Чернобыле немецкое общество стало задумываться о возможных отрицательных последствиях ядерной энергетике, что, в частности, нашло отражение в активной деятельности Комиссии по этике Бундестага. Уже после аварии электростанции Фукусима канцлер Ангела Меркель попросила оценить сложившуюся ситуацию и объявила мораторий на деятельность семи атомных электростанций в Германии сроком на три месяца. Одновременно была создана комиссия, куда вошли 17 человек, представляющие различные сферы общественной жизни.

Между тем Комиссия по этике пришла к твердому убеждению, что атомные электростанции должны быть закрыты в течение десятилетия и что в этот период им должна быть найдена замена, при этом энергообеспечение страны не должно пострадать.

Полагая, что к этому процессу должны быть подключены все институты общества и что сам процесс должен быть прозрачным, Г. Бахман подчеркивает: на каждом этапе своего осуществления энергообеспечение нуждается в новом подходе, в новом мышлении, в инновационных решениях.

За границей к немецкому «энергетическому повороту» относятся со скепсисом и недоверием, признает он. Но вместе с тем с

осторожным предположением, что вопреки ожиданиям Германии удастся осуществить отказ от атомной энергетики без деиндустриализации.

Общий вывод Г. Бахмана: «Создание новых технологий, не влияющих на изменение климата и способствующих внутренней стабилизации общества, позволило бы благотворно влиять на обеспечение энергией человечества, которое в недалеком будущем составит 9 миллиардов человек с возрастающими запросами и интересами» (39).

Такова политика прагматизма немцев в ее реальной реализации. Сочетание здравого смысла и ценностных установок, демократическое обсуждение проблемы и последовательность в проведении намеченного после принятия окончательного решения. Немецкая идентичность на современном этапе – это непрерывный процесс, в ходе которого идет поиск ответа на возможность сочетания национального и наднационального в эпоху глобализации, или, как говорят некоторые исследователи, в эпоху Второго модерна.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

НЕМЕЦКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКИХ ПРОБЛЕМ

В какой степени процессы становления идентичности в Германии могут быть с пользой осмыслены в России?

На первый взгляд, для этого нет достаточных оснований. Мы слишком разные. Немцам не надо ломать голову над тем, в Европе они или нет. Русские до сих пор не могут окончательно установить, европейцы они или евразийцы. Германия – страна немцев (Deutsche in Deutschland). Россия – страна всех народов, населяющих российское пространство, при этом русские составляют более 80% населения, язык межнационального общения – русский. В этом принципиальное отличие России не только от Германии, но и от Франции, Соединенных Штатов, где нет больших этнических групп с давней историей, особой ментальностью и религией.

И тем не менее есть сферы функционирования государства и общества, к которым в России стоит особо присмотреться. Я имею в виду прежде всего федеративное устройство ФРГ, взаимодействие 16 земель, составляющих прочный каркас государственности. Это обстоятельство связано не только с мудростью немецких политиков, сумевших в Основном законе и, соответственно, в кон-

кретной политике гибко сочетать интересы регионов с интересами страны в целом. Разумное и взвешенное функционирование федеральной структуры в Германии объясняется и более глубокими причинами. Они позволяют понять, почему страна, рассыпанная столетиями на множество отдельных суверенных единиц – от княжеств до рыцарских владений – держалась как некое единое этническое целое. Пройдя, между прочим, и через такое испытание, как 30-летняя война. Вот как об этом пишет постоянный спутник наших размышлений Йоганн Шерр: «Тридцатилетней, так называемой религиозной войне суждено было представить пример, до какой степени люди способны уподобляться зверям... Рука окостенела бы от ужаса, если бы мы стали подробно излагать совершавшиеся в те времена неистовства» (33, с. 334).

И далее: «Все общественные узы были порваны, все самые священные законы поруганы, все человеческие требования попраны, поля лежали невозделанные; мастерские были пусты; цивилизация, казалось, погибла на века, вырывалась с корнем» (33, с. 334).

Как мы знаем, в результате войны страна раскололась по религиозному принципу – католики и протестанты. Казалось бы, быть им в изоляции друг от друга. После заключения Вестфальского мира в 1648 г. по протестантским правилам стали жить пять государей и 14 городов (33, с. 294). Однако сохранились объединяющие нити – общие христианские ценности. И католики, и протестанты получили наконец-то возможность читать Библию на родном языке. Как замечает тот же Шерр, «что же касается Библии на немецком языке, то бесспорно также, что она имела громадное влияние на весь ход германской цивилизации» (33, с. 288).

Но был и другой фактор, тесно связанный с христианскими ценностями, – культура в широком смысле слова. Наряду с переводчиком Библии Лютером в немецком сознании такую же объединяющую роль играл позднее Гёте, а за ним и другие деятели культуры. Они формировали тот фундамент, на котором выстраивалось единое германское государство.

При этом речь идет о людях, не наделенных какими-то особыми свойствами. Вот что писал о немцах Й. Шерр: «Весь тип в чертах и осанке носит характер немецкой задушевности и искренности, немецкой сосредоточенности, но также и немецкой нерешительности и наклонности к критическим сомнениям.

И как в немецком лице реальные тени стоят рядом с идеальными лучами света (так в оригинале перевода. – *Б.О.*), так точно и в нравственном характере немецкого народа Гёте выражает чисто

немецкую черту, заставляя своего Фауста жаловаться на то, что две души живут в его груди. Многосторонность немецкой природы ведет за собой многочисленные раздвоения и порождает множество противоречий в характере» (33, с. 6–7).

Будем считать, что это было сказано давно – в середине XIX в. и переведено в Петербурге в 1868 г. С тех пор многое изменилось в немецком характере. Но сохранились качества, которые охарактеризовал мюнхенский ученый В. Вайденфельд – добросовестность, прилежность, дисциплинированность. И более того, открытость, приветливость, доброжелательность.

Могу сослаться на собственные наблюдения. Как-никак я общался с немцами более 60 лет.

Одно из самых ярких впечатлений – лекция по теме «СССР и Хельсинкский процесс» на семинаре профессора Х.-А. Якобсена в Боннском университете в 1977 г. Интерес к СССР со стороны студентов был огромен, и уже после лекции и дискуссии на семинаре они продержали меня своими расспросами до трех часов утра. Об этом я написал в своем боннском дневнике «Свидание с Лорелеей» (27).

Спустя четверть века (2003) я прочитал курс лекций по теме «Человек и власть в истории России» в Мюнстерском университете¹. То было другое время, другие студенты, да и сам я был другой. Тогда в Бонне еще сохранялась атмосфера приподнятых настроений молодежного протеста 1968 г. В Мюнстере была тихая, приветливая обстановка. На лекции и семинар приходили не только немцы, но и молодые люди из Польши, Литвы, Грузии, далекой Монголии. Преподаватели приглашали к себе в гости. Та самая атмосфера наднационального универсализма, к чему призывает У. Бек. Но без особенного энтузиазма. И глаза у студентов не горели. И особых вопросов о России не задавали. Время надежд на чудеса преобразований в этой большой и загадочной стране прошло. Наступило время того самого прагматизма, о чем говорилось выше.

И при всем при этом немцы продолжают способствовать обсуждению тематики идентичности не только у себя дома, но и на российских пространствах. Вот несколько примеров.

В 1998 г. в Бремене вышла книга «В поисках новой идентичности. Россия на пороге XXI века», в которой Петер Шульце, в то время руководитель Московского отделения Фонда Фр. Эберта, и Габриэла Горцке – руководитель западно-восточного научного

---

¹ На русском языке эти 12 лекций помещены на сайте «www.lawinrussia.ru»

центра Университета в Касселе опубликовали статьи немецких и российских авторов (66).

Эту традицию продолжил нынешний руководитель Московского отделения Фонда Фр. Эберта д-р Райнхард Крумм. На основе материалов конференций, проводимых совместно учеными России и Германии, при поддержке Фонда издается серия сборников, посвященных как общим, так и региональным проблемам идентичности. Первый том серии посвящен теме «Северо-Запад России – Санкт-Петербург» (4), второй – тематике «Юг России – Северный Кавказ» (5).

Проводятся конференции в других регионах России (Сибирь, Дальний Восток), готовятся соответствующие издания. Самый свежий пример – вышедшая в 2012 г. книга «Конструирование идентичностей в Европе. Перспективы Германии и России» (87). Книга издана в Германии на английском языке. Ее издатели – Райнхард Крумм; Сергей Медведев – профессор Высшей школы экономики в Москве; Ханс-Хеннинг Шрёдер – сотрудник Института международных отношений и безопасности в Берлине.

Наконец, упомянем международную конференцию, которая была проведена при активном участии того же Фонда Фр. Эберта и Германского исторического института в Москве в стенах Высшей школы экономики 6–7 октября 2011 г., по весьма актуальной теме: «Россия и Германия: роль общества в становлении государственных институтов (XIX–XXI вв.)». Российские и немецкие ученые в своих выступлениях помимо прочего задавались вопросом о причинах инертности российского общества. Через два месяца, в декабре, на Болотной площади в Москве участники митинга продемонстрировали, что это не совсем так.

Казалось бы, при интенсивном обсуждении проблемы идентичности в самой Германии и при перекрестном осмыслении данной тематики на совместных встречах ученых России и Германии все обдуманно, обговорено, надо всем поставлены точки.

Увы, это далеко не так. Проблема сохранения немецкой идентичности – этнической, культурной, исторической – и проблема становления гражданской нации с учетом растущего числа приезжих с иной культурой, ментальностью, религией остается в поле смыслового напряжения.

Получается, что при многих разных обстоятельствах возникает некое сходство проблем с Россией, где активно обсуждается роль русских как государствообразующей нации? Напомним еще

раз, этнических русских в России более 80%. А этнических немцев в Германии порядка 90%.

А как быть с культурой? Большинство приехавших в Германию – мусульмане. Как будут стыковаться ценности двух религий? Как будут соприкасаться ментальные особенности этих народов? Чем будет наполнено ключевое понятие «Kulturnation»? Каким будет содержание очередного сборника «МЫ», которое выйдет, скажем, в 2020 г.?

В России проблема еще острее. Здесь речь идет не о приезжих, но о народах, которые жили на российских пространствах столетиями. Со своими обычаями, культурой, религией. Что послужит цементом, позволяющим скреплять целостность уже не русской, а российской гражданской нации?

При этом будем иметь в виду еще одно принципиальное отличие. После многих столетий блужданий в поисках разумной национальной государственности немцы наконец остановились на нынешней федеративной республике. Как показывает в своей «Краткой истории Германии» Хаген Шульце, исторический поиск немцев завершился. Во всяком случае, никаких альтернативных проектов в ходе дискуссий не возникает.

Иное дело в России. Здесь продолжают споры о ее пути, предназначении. В дискуссиях возникают различные проекты, в том числе не исключают распада страны на различные составляющие. Перед политическим классом России стоит сложнейшая задача, с одной стороны, содействовать сохранению и оздоровлению русского народа, с другой – проводить политику, отвечающую интересам всех народов, входящих в состав России. Вот и получается, что проблема формирования российской идентичности имеет судьбоносное значение. Во многом это зависит от зрелости и мудрости политиков, имеющих достаточное понимание относительно того, на каком фундаменте может быть устойчивым дом российской государственности.

* * *

...В момент, когда завершалась работа над данным обзором (июнь 2012), в «Новой газете» была опубликована статья Г. Ильичева «Россияне хотят жить, как в Германии» (9). В статье приводятся результаты опроса, который провел ВЦИОМ в первых числах июня 2012 г. в 46 регионах среди граждан, в совокупности представляющих все взрослое население страны. Помимо прочего,

был задан вопрос: по сравнению с какой другой страной россияне хотели бы видеть свое отечество. И тут выявилась следующая картина (приводится соответствующая таблица). Из 55 баллов за Германию было отдано 12 баллов, за США и Швейцарию – по 4 балла, за Англию, Китай и Швецию – по 3 балла, за Францию и Японию – по 2 балла, за остальные приведенные в таблице страны – по 1 баллу.

Как видим, существенное предпочтение отдано Германии. Факт весьма примечательный с точки зрения оценки перспектив отношений между нашими странами. Но желание брать за образец образ жизни в какой-то стране и установленный в ней порядок должно, по логике вещей, сопровождаться знанием проблем, с которыми сталкивается эта страна. И в этом смысле подходы к осмыслению идентичности, которые разрабатываются в Германии и которые частично рассмотрены в данной работе, весьма полезно учитывать при осмыслении собственных, российских проблем при всем различии исторических обстоятельств, при которых происходило определение страновой идентичности у жителей Германии и России.

Еще раз напомним: формирование идентичности – это живой, непрерывный процесс, при котором соблюдаются сложившиеся корневые ментальные традиции и одновременно происходит приспособление к новым обстоятельствам, влияющим на условия жизни, умонстроения жителей данной конкретной страны. Пример Германии с ее богатыми культурными традициями и вместе с тем с ее недавним непростым прошлым – достаточно красноречивое свидетельство того, что только в условиях открытого, демократического общества, опирающегося на гуманистические ценностные установки, возможно гибкое сочетание традиций со способностью реагировать на неизбежные перемены в стране и в окружающем мире. Это тот вывод, к которому пришли немцы, пройдя через тернии существования в течение двух тысячелетий на пространствах Срединной Европы.

Литература

1. Бек У. Космополитическое мировоззрение. – М., 2008. – 336 с.
2. Бусыгина И. Германия – страна земель, Россия – страна регионов // Орлов Б., Тиммерманн Х. Россия и Германия в Европе. – М., 1998. – С. 213–226.

3. *Вайденфельд В.* Куда идут немцы? О морально-политическом будущем объединенной Германии // Орлов Б., Тиммерманн Х. Россия и Германия в Европе. – М., 1998. – С. 252–262.
4. В поисках России. Серия публикаций к дискуссии об идентичности. Северо-Запад России. – Санкт-Петербург, 2008. – Т. 1. – 160 с.
5. В поисках России. Серия публикаций к дискуссии об идентичности. Юг России – Северный Кавказ. – Ростов на/Д., 2010. – Т. 2. – 192 с.
6. Германия. Факты. – Берлин, 2003.
7. *Здравомыслов А.Г.* Немцы о русских на пороге нового тысячелетия. – М., 2003. – 544 с.
8. Европа: Кризис мультикультурализма? // Актуальные проблемы Европы / РАН ИНИОН. – М., 2011. – № 4: Европа: кризис мультикультурализма? – С. 29.
9. *Ильичев Г.* Россияне хотят жить, как в новой Германии // Новая газета. – 2012. – 13 июня. – С. 11.
10. История Германии в 3-х томах. – Кемерово, 2005. – Т. 2. От создания Германской империи до начала XXI в. – 2005. – 624 с.
11. *Картельери У.* Неизбежность перемен // Internationale Politik. – 2005. – № 5. – С. 25–31. – Рус. яз.
12. *Корнева Л.Н.* Германская историография национал-социализма: проблемы исследования и тенденции современного развития, (1985–2005). – Кемерово, 2007.
13. *Клюбахер К.-Д.* Федеральное устройство ФРГ: центр и области – кто финансирует и что? // Орлов Б., Тиммерманн Х. Россия и Германия в Европе. – М., 1998. – С. 225–234.
14. *Любин В.П.* Преодоление прошлого. Споры о тоталитаризме. – М., 2005.
15. *Любин В.П.* Тоталитаризм в Германии, Италии и СССР – споры историков // Тоталитарный менталитет: методы изучения, пути преодоления. – Кемерово, 2003. – С. 14–28.
16. *Малашенко В.М.* Что в идентичности тебе моей... Девять тезисов на вечно актуальную тему // Независимая газета. – 2011. – 21 сентября. – С. 5.
17. *Матусовский А.Л.* Этнология – Культурная энциклопедия / Под ред. С.Я. Левит. – М., 2007. – Т. 2. – С. 1127–1128.
18. *Миллер С., Поттхофф Х.* Краткая история СДПГ, 1848–1990. – М., 1999. – 344 с.
19. *Нарочницкая Е.А.* Национализм: история и современность. – М.: ИНИОН, 1997. – 59 с.
20. Немецкий кладезь идей. С 2005 года в Германии развивается инициатива по улучшению имиджа страны // Московская немецкая газета. – 2011. – Октябрь.
21. *Новоженова И.С.* Французская модель интеграции иммигрантов и мультикультурализм // Актуальные проблемы Европы / ИНИОН РАН. – М., 2011. – № 4: Европа: кризис мультикультурализма? – С. 117–139.

22. *Новоженова И.С.* Дискуссия о национальной идентичности во Франции // Актуальные проблемы Европы / ИНИОН РАН. – М., 2010. – № 4: Иммиграция: влияние на европейский социум. – С. 114–144.
23. *Орлов Б.* Социалистический концерт // Известия. – 1965. – 17 января.
24. *Орлов Б.* Политическая культура и становление демократии в России. – М.: ИНИОН, 1994. – 51 с.
25. *Орлов Б.* Политическая культура России и Германии: попытка сравнительного анализа. – М.: ИНИОН, 1995. – 80 с.
26. *Орлов Б.* Россия в поисках новой идентичности (90-е годы XX столетия). – М.: ИНИОН, 1997. – 54 с.
27. *Орлов Б.* Свидание с Лорелеей. Боннский дневник. 29 июня – 9 июля 1977 г. // Орлов Б. Германия с дальнего и ближнего расстояния. – М., 2005. – С. 340–348.
28. *Перганде Ф.* Цветущие ландшафты, плохое настроение // Internationale Politik. – 2005. – № 5. – С. 10–17. – Рус. яз.
29. *Погорельская С.В.* Влияние иммигрантов на немецкое общество. Взаимная интеграция // Актуальные проблемы Европы / ИНИОН РАН. – М., 2010. – № 4: Иммиграция: влияние на европейский социум. – С. 54–70.
30. *Погорельская С.В.* Прощание с мультикультурализмом, или Новая иммиграционная политика / Актуальные проблемы Европы ИНИОН РАН. – М., 2006. – № 1: Иммигранты в Европе. Проблемы социальной и культурной адаптации. – С. 90–114.
31. *Почивалов Л.* Немцы и мы // Литературная газета. – 1988. – 20 июля.
32. *Сокуров А.* «Хватит втягивать художественную среду в политические процессы!» // Московский комсомолец. – 2012. – 10 февраля. – С. 19.
33. *Шерр Й.* История цивилизации Германии / Перевод с 3-го издания А. Невадомского и Д. Писарева. – Санкт-Петербург: в типографии Ф.С. Сущинского, 1868. – 643 с.
34. *Штельценмюллер К.* Каким видят мир немцы // Internationale Politik. – 2005. – № 5. – С. 18–24. – Рус. яз.
35. *Шульце Х.* Краткая история Германии. – М., 2004. – 256 с.
36. *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. – М., 2004. – 635 с.
37. *Хёнке К.* О разных немцах // Литературная газета. – 1988. – 12 октября.
38. *Albrow M.* Abschied vom Nationalstaat. Staat und Gesellschaft im pluralen Zeitalter. – Frankfurt a. M., 1998.
39. *Bachmann G.* Abschied mit Chancen: Energiewende // Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte-2011. – N 12. – S. 20–23.
40. *Bassinger H.* Typisch deutsch. Wie deutsch sind die Deutschen? – München, 2000.
41. *Beck U., Grande E.* Das kosmopolitische Europa. Gesellschaft und Politik in der Zweiten Moderne. – Frankfurt a. M., 2004.
42. *Beck-Gernsheim E.* Wir und die Anderen. – Frankfurt a. M., 2004.

43. Das Eigene und das Fremde. Rassismus in der alten Welt / Bielefeld U. (Hrsg.) – Hamburg, 1991.
44. Inszenierung des Nationalen. Geschichte, Kultur und die Politik der Identitäten am Ende des 20. Jahrhunderts / Binder B., Kaschuba W., Niedermüller P. (Hrsg.) – Köln, Weimar, Wien, 2001.
45. *Borggräfe H., Jansen C.* Nation – Nationalität – Nationalismus – Frankfurt a. M., New-York, 2007.
46. *Breitenstein R.* Die gekränkte Nation. Geschichte und Zukunft der Deutschen in Europa. – München, 1996.
47. *Bude H.* Die Bundesrepublik und der Nationalsozialismus. – Frankfurt a. M., 1992.
48. *Bude H.* Die ironische Nation. Soziologie als Zeitdiagnose. – Hamburg, 1999.
49. *Beyme K. von.* Deutsche Identität zwischen Nationalismus und Verfassungspatriotismus // Nation und Gesellschaft in Deutschland / Manfred Hettling, Paul Nolte (Hrsg.). – München, 1996.
50. *Craig G.A.* Über die Deutschen. – München, 1982.
51. Das Holocaust-Mahnmal. Dokumentation einer Debatte / Cullen M.S. (Hrsg.) – Zürich; München, 1999.
52. *Dann O.* Begriffe und Typen des Nationalen in der frühen Neuzeit // Nationale und kulturelle Identität / B. Giesen (Hrsg.). – Frankfurt a. M., 1991. – S. 56–76.
53. *Dann O.* Nation und Nationalismus in Deutschland, 1770–1890. – München, 1993.
54. *Ebeling H.* Die beschädigte Nation. Identität und Fremdtheit in Restdeutschland. – Hamburg, 1993.
55. *Elias N.* Studien über die Deutschen. Macht-Kämpfe und Habitusentwicklung im 19. und 20. Jahrhundert. – Frankfurt a. M., 1989.
56. *Frei N.* 1945 und wir. Das Dritte Reich und die Deutschen. – München, 2005.
57. *Fuhr E.* Wo wir uns finden. Die Berliner Republik als Vaterland. – Berlin, 2005.
58. *Gaus G.* Über Deutschland und die Deutschen. – Berlin, 1990.
59. Die Last der Geschichte. Kontroversen zur deutschen Identität / Gauly T. (Hrsg.) – Köln, 1988.
60. *Gellner E.* Nations and Nationalism. – Oxford, 1983.
61. *Gellner E.* Nationalismus und Moderne. – Berlin, 1991.
62. *Glötz P.* Die falsche Normalisierung. Die unmerkliche Verwandlung der Deutschen 1989 bis 1994. – Frankfurt a. M., 1994.
63. *Giesen B.* (Hrsg.) Nationale und kulturelle Identität. Studien zur Entwicklung des kollektiven Bewußtseins in der Neuzeit. – Frankfurt a. M., 1991.
64. *Giesen B.* Die Intellektuellen und die Nation. Eine deutsche Achsenzeit. – Frankfurt a. M., – 1993.
65. *Goldhagen D.J.* Hitler's willing executioners: Ordinary Germans and Holocaust. – N.Y., 1996.
66. Auf der Suche nach einer neuen Identität. Rußland an der Schwelle zum 21. Jahrhundert / Gorzka G. Schulze P.W. (Hrsg.). – Bremen, 1998.

67. *Götz I.* Deutsche Identitäten. Die Wiederentdeckung des Nationalen nach 1989. – Köln; Weimar; Wien, 2011.
68. *Habermas J.* Eine Art Schadensentwicklung. – Frankfurt a. M., 1987.
69. *Habermas J.* Die postnationale Konstellation. Politische Essays. – Frankfurt a. M., 1998.
70. *Honolka H., Götz I.* Deutsche Identität und das Zusammenleben mit Fremden. Fallanalysen. – Opladen; Wiesbaden, 1999.
71. *Heinrich D.* Nach dem Ende der Teilung. Über Identitäten und Intellektualität in Deutschland. – Frankfurt a. M., 1993.
72. *Hoffmann L.* Die unvollendete Republik. Zwischen Einwanderungsland und Nationalstaat. – Köln, 1992.
73. *Hobsbaum E.J.* Nationen und Nationalismus. Mythos und Realität seit 1780. – Frankfurt a. M.; New York, 1992.
74. *Hroch M.* Das Europa der Nationen. Die moderne Nationsbildung im europäischen Vergleich. – Göttingen, 2005.
75. *Immeler V., Kuhn O., Steinhäuser A.* WIR. Alles, was man über uns Deutsche wissen muss. – München, 2009.
76. Europa im Spiegel der Kulturwissenschaften / Joas R., Jalger F. (Hrsg.). – Baden-Baden, 2008.
77. *James H.* A German identity. – London, 1989.
78. *James H.* Deutsche Identität, 1700–1980. – Frankfurt a. M., 1991.
79. *Jürgs M.* Wie geht's Deutschland? Populisten. Profiteure. Patrioten. Eine Bilanz der Einheit. – München, 2008.
80. Transnationale Öffentlichkeiten und Identitäten im 20. Jahrhundert / Käble H., Schmidt-Gernig A. (Hrsg.). – Frankfurt a. M.; New York, 2002.
81. Kulturen – Identitäten – Diskurse. Perspektiven Europäischer Ethnologie / Kaschuba W. (Hrsg.). – Berlin, 1995.
82. *Kaschuba W.* Deutsche Wir-Bilder nach 1945: Ethnischer Patriotismus als kollektives Gedächtnis? // Selbstbilder und Feindbilder. Repräsentationen sozialer Ordnungen in Wandel / Jörg Baberowski, Hartmut Käble, Jürgen Schriewer (Hrsg.). – Frankfurt a. M., 2008.
83. Das Europa der Religionen / Kallscheuer O. (Hrsg.). – Frankfurt a. M., 1996.
84. Ethnologie Europas. Grenzen, Konflikte, Identitäten / Kokot W., Dracklé D. (Hrsg.). – Berlin, 1996.
85. Europas Gedächtnis. Das neue Europa. Zwischen nationalen Erinnerungen und gemeinsamer Identität / König H., Schmidt J., Siking M. (Hrsg.). – Bielefeld, 2008.
86. *Krokow Ch., Graf von.* Die Deutschen in ihrem Jahrhundert, 1890–1990. – Reinbek, 1994.
87. Constructing Identities in Europa – German and Russian Perspectives / Krumm R., Medvedev S., Schröder Hans-Henning (eds.). – Baden-Baden, 2012.
88. Kunze Rolf-Ulrich. Nation und Nationalismus. – Darmstadt, 2005.

89. *Langguth G.* Die Deutschen und ihre nationale Identität // Neue Züricher Zeitung. – 1996. – 12 Okt. – S. 13.
90. *Langewilche D.* Reich, Nation, Föderation Deutschland und Europa. – München, 2008.
91. Die Wilderkehr des Regionalen. Über neue Formen kultureller. Identität / Lindner R. (Hrsg.). – Frankfurt a. M.; New York, 1994.
92. *Löffler B.* Integration in Deutschland. Zwischen Assimilation und Multikulturalismus. – München, 2011.
93. *Maier Ch.S.* Die Gegenwart der Vergangenheit. Geschichte und nationale Identität der Deutschen. – Frankfurt a. M.; New York, 1991.
94. *McCormack R.W.B.* Unter Deutschen. Porträt eines rätselhaften Volkes. – Frankfurt a. M., 1994.
95. *Marcuse H.* Feind analysen. Über die Deutschen. – Lüneburg, 1998.
96. *Meier Ch.* Die Nation die keine sein will. – München, 1991.
97. *Mommsen W.* Nation und Geschichte. Über die Deutschen und die deutsche Frage. – München, 1990.
98. *Morshäuser B.* Hauptsache Deutsch. – Frankfurt a. M., 1992.
99. *Müller J.-W.* Nation, Verfassungspatriotismus, Leitkultur: Integrationsbegriffe vor und nach 1989 // Wege in die neue Bundesrepublik. Politische Mythen und kollektive Selbstbilder nach 1989 / Herfried Münkler, Jens Hacke (Hrsg.). – Frankfurt a. M., 2009.
100. *Münch R.* Die Konstruktion der europäischen Gesellschaft. Zur Dialektik von transnationalen Integration und nationaler Desintegration. – Frankfurt a. M.; New York, 2008.
101. *Münkler H.* Die Deutschen und ihre Mythen. – Berlin, 2009.
102. *Münkler H., Hacke J.* (Hrsg.) Wege in die neue Bundesrepublik. Politische Mythen und kollektive Selbstbildern nach 1989. – Frankfurt a. M.; New York, 2009.
103. *Niethammer L.* Kollektive Identität. Heimliche Quellen einer unheimlichen Konjunktur. – Reinbek, 2000.
104. *Nolte E.* Der europäische Bürgerkrieg von 1917–1945: Nationalsozialismus und Bolschewismus. – Frankfurt a. M., 1987.
105. *Nowak J.* Leitkultur und Parallelgesellschaft. Argumente wieder einen deutschen Mythos. – Frankfurt a. M., 2006.
106. *Orlov B.* Rußland auf der Suche nach einer neuen Identität // Osteuropa. – 1992. – N 5. – S. 470–485.
107. *Pautz H.* Die deutsche Leitkultur. Eine Identitätsdebatte. – Stuttgart, 2005.
108. *Plessner H.* Die verspätete Nation. – Frankfurt a. M., 1982.
109. *Pries L.* Die Transnationalisierung der sozialen Welt. Sozialräume jenseits von Nationalgesellschaften. – Frankfurt a. M., 2008.
110. *Quenzel G.* Konstruktionen von Europa. Die europäische Identität und die Kulturpolitik der Europäischen Union. – Bielefeld, 2005.

111. *Risse Th.* Identity politics and European integration: the case of Germany. – Florens, 1998.
112. *Rätzel N.* Gegenbilder. Nationale Identität durch Konstruktion des Anderen. – Opladen, 1997.
113. *Sarrazin Th.* Deutschland schafft sich ab. Wie wir unser Land aufs Spiel setzen. – München, 2010.
114. *Sassen S.* Das Paradox des Nationalen. Territorium, Autorität und Recht im globalen Zeitalter. – Frankfurt a. M., 2008.
115. *Selling J.* Aus den Schatten der Vergangenheit. Deutschlands nationale Identitätssuche nach 1990. – Leipzig, 2007.
116. *Scheuch E.K.* Wie deutsch sind die Deutschen? Eine Nation ändert ihr Gesicht. – Bergisch-Gladbach, 1992.
117. *Schiffauer W.* Parallelgesellschaften. Wie viel Wertekonsens braucht unsere Gesellschaft. – Bielefeld, 2008.
118. *Region. Heimaten der individualisierten Gesellschaft / Schilling H., Beatrice P. (Hrsg.).* – Frankfurt a. M., 1995.
- 118a. *Schmale W.* Geschichte und Zukunft der europäischen Identität. – Frankfurt a. M., 2011.
119. *Schmidt H. Jörg.* Die deutsche Freiheit. Geschichte eines kollektiven semantischen Sonderbewusstseins. – Frankfurt a. M., 2010.
120. *Schmid J.* Kampf um das Deutschtum. Radikaler Nationalismus in Österreich und dem Deutschen Reich, 1890–1914. – Frankfurt a. M.; New York, 2009.
121. *Schmid W.* Was geht uns Deutschland an? Ein Essay. – Frankfurt a. M., 1993.
122. *Smith A.D.* National identity. – London, 1991.
123. *Schneider J.* Deutsch sein. Das Eigene, das Fremde und die Vergangenheit im Selbstbild des vereinten Deutschland. – Frankfurt a. M., 2001.
124. *Schröder K.* Die veränderte Republik. Deutschland nach der Wiedervereinigung. – Berlin; München, 2006.
125. *Schulze H.* Kleine deutsche Geschichte. – München, 2001.
126. *Schwarzenau M.* Deutschland im Umbruch: Dimensionale Einordnung nationaler Identität für die Identität der Deutschen. – Münster, 1991.
127. *Thadden von R.* Aufbau nationaler Identität. Deutschland und Frankreich im Vergleich // Nationale und kulturelle Identität / B. Giesen (Hrsg.). – Frankfurt a. M., 1991.
128. *Waldenfels B.* Topographie des Fremden. Studien zur Phänomenologie des Fremden. – Frankfurt a. M., 1997.
129. Was ist deutsch? Aspekte zum Selbstverständnis einer grübelnden Nation: Beiträge der Tagung im Germanischen Nationalmuseum am 20. und 21. Oktober 2005 / Schriftleitung Thomas Brehm a.u. – Nürnberg, 2006.
130. *Weidenfeld W.* Die Identität der Deutschen. – München, 1983.
131. *Weidenfeld W.* Die Deutschen: Profil einer Nation. – Stuttgart, 1991.

132. Wege in die neue Bundesrepublik. Politische Mythen und kollektive Selbstbilder nach 1989 / Münkler H., Hacke J. (Hrsg.). – Frankfurt a. M.; New York, 2009.
133. *Wolfrum E.* Die geglückte Demokratie. Geschichte der Bundesrepublik Deutschland von ihren Anfängen bis zur Gegenwart. – Stuttgart, 2001.
134. Zur diskursiven Konstruktion nationaler Identität / Wodak Ruth u.a.. – Frankfurt a. M., 1998.

Б.С. Орлов

**ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ
В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ**

Аналитический обзор

Оформление обложки И.А. Михеев
Художественный редактор Т.П. Солдатова
Технический редактор Н.И. Романова
Компьютерная верстка О.В. Егорова
Корректор О.П. Дормидонтова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 6/VIII – 2012 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная Свободная цена
Усл. печ. л. 4,75 Уч.-изд. л. 4,0
Тираж 300 экз. Заказ № 130

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий
Тел/Факс (499) 120-45-14
E-mail: inion@bk.ru**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9

